

Татьяна Устименко

Невезучие

Смелый гоняется за удачей,
трусливый боится невезения!

Татьяна Устименко
Невезучие
Серия «Пасынки удачи», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=248632
Невезучие: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0456-8

Аннотация

Уж если не везет, так не везет по-крупному – и в картах, и в любви! Не миновала доля сия и принца-горбуна Тайлериана, и эмпир Вольдемара, маркграфа Эйсенского, и молоденькую ведьму Лизелотту. Ведь напрогножил им Расклад Судьбы беды неисчислимы и участь нелегкую – а это ли везением называют? И началось. Повелитель клана Белых эльфов неожиданно вознамерился жениться на дочери красногорского князя, но недотепа-дракон выкрал не ту девушку. Обиженный жизнью чернокнижник заручился покровительством демонов и замыслил недоброе. А тут еще строптивая княжна Рогнеда из-под венца сбежать удумала, решив, что с женихом богоданным ей сильно не повезло. Ну а жених тот самый вдруг помер в одночасье от яда да и... Стоп! Сплошная неразбериха получается. Лучше уж обо всем по порядку.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Татьяна Устименко

Невезучие

Выражаю горячую признательность верному другу – Денису Куприянову, щедро поделившемуся со мной идеями, шутками и не иссякающим оптимизмом.

Смелый гоняется за удачей, трусливый боится невезения, мудрый ищет справедливости. Но жизнь дарует нам всего понемногу, в зависимости от того, сколько смелости, трусости и мудрости наберется в нас самих.

Буддистская поговорка

ПРОЛОГ

- Рогнеда, ау!
- Княжна, вы где?
- Ваша светлость, ну нельзя же так!
- Покажись, дочь строптивая и непокорная! Тебе сам отец приказывает!

Разноголосые вопли эхом разносились по просторным княжеским палатам, сложенным из ароматных лиственничных стволов и насквозь пронизанных яркими лучами полуденного солнца. Свет и тепло я любила с тех самых пор, когда еще пешком под стол ходила, поэтому совсем не собиралась жить на какой-то там мрачной горе, густо поросшей девственно-непроходимым лесом. Хотя, конечно, образ непорочной девственницы, картинно прогуливающейся в девственной куще вековых сосен, весьма мне импонировал, хорошо сочетаясь со сказками и преданиями, до которых так охочи мои великовозрастные сводные братцы. Вот только боюсь, что ожидал меня в ближайшем будущем отнюдь не столетний лес, а столь же старый женишок, раскатавший морщинистые губы на молодое да ядреное девичье тело. Ага, размечтался пердун костлявый! Из самого уже песок от дряхлости сыплется, а он все туда же – жениться... Можно подумать, это для него меня растили да нежили, молоком птичьим кормили, в семи водах ключевых купали, косы мои длинные частым костяным гребнем расчесывали, наряжали меня в сарафаны атласные и кокошники скатным жемчугом расшитые...

Тьфу ты, гоблины распроклятые! Не на шутку увлекшись эгоистичным самовосхвалением, больше смахивающим на бесконечные застольные песни, частенько исполняемые нашим слепым сказителем Баяном, я неосторожно покачнулась и чуть не сверзилась с гладко обструганного стропила. Вот рухнула бы я сейчас вниз, в курятник, то уж точно – хороша бы была княжна-невеста, представшая перед эльфийскими сватами, у которых даже исподнее сшито из затканного золотом шелка. Вся перемазанная куриным пометом, да еще изрядно извалявшаяся в перьях и прелой соломе. А чего, кстати, не такая уж и плохая идея – в навозе изгваздаться! Авось не глянусь я тогда утонченным эльфам, одумаются они все-таки да и отступятся?

Я ехидно хмыкнула, представив столь завлекательную картинку. Спрашивается, и чего это легендарному повелителю Белых эльфов вдруг приспичило жениться именно на мне? Не мог он, что ли, посвататься, например, к кокетливой внучке Рохосского хана или к весьма нескромно и откровенно описываемой в балладах красавице Розамунде – племяннице султана Уррагского, «коя кожей бела, в бедрах сладостно широка и персями налитыми богата»?

Да на худой конец хотя бы к одной из бесчисленных дочек жутко любвеобильного и не менее жутко чернокожего канагерийского вождя? Так нет, ему, видите ли, меня подавай – Рогнеду свет Елизаровну, единственную дочь державного князя, уже сорок лет твердо сидящего на престоле славного града Берестянска. А с чего это, интересно, и вообще эльфийскому владыке вдруг пришло в голову жениться на смертной человеческой девушке? Вроде как раньше за Первыми расами такие странные поступки не водились...

Я второй раз взмахнула руками, пытаюсь поудобнее устроиться на скользком бревне. Сидевший рядом Михась выгреб из кармана очередную порцию жареных семечек, бросил одну из них в рот и покосился на меня неодобрительно:

– Княжна, а к-к-княжна, прекращала бы ты д-д-дурить. Думаешь, они тебя здесь не н-н-найдут? – почти не заикаясь, в пику своей обычной, совершенно неразборчивой манере разговаривать усомнился он.

Я зашипела словно рассерженная кошка:

– А что, прикажешь мне в коровнике прятаться?

Конопатый мальчишка спокойно сплюнул шелуху, сосредоточенно наблюдая, как она медленно планирует на головы ничего не подозревающих кур-несушек. Я тоже проводила ее расстроенным взглядом, начиная осознавать, что стропила княжеского курятника, к несчастью, оказались далеко не самым надежным схороном для несговорчивой невесты. Нужно было в сундук с приданым залезть. Он у меня пыльный и, кажется, бездонный, его три батюшкиных ратника и то с трудом поднимают. Вот уж там бы меня точно ни в жизнь не нашли!

– И ч-ч-чего ты испугалась-то? – недоуменно пожал плечами доморощенный философ, разглядывая меня так пристрасно, будто увидел в первый раз. – Стоило ли столько ш-ш-шума поднимать? Показалась бы ты, Рогнеда, сватам эльфийским и больше не парилась. Они же сразу сами от тебя откажутся...

«А может, и так? – подумала я, непоследовательно переходя от необъективного самолюбования к жесточайшей самокритике. – Это только в сказках у Баяна княжны все как одна, поголовно умницами и прелестницами оказываются – холеными, наряженными, купанными, чесанными и далее по тексту. Так на то они и сказки! А я – последыш, яблоко порченное, дочь единственная, народившаяся нежданно-негаданно после тринадцати красавцев-сыновей, я-то ведь совсем не такая. Вроде и высокая – но толстая и грубоватая, с тяжелым квадратным подбородком и упрямым взором васильково-синих глаз. Может, волосы у меня и густые и длинные, но зато прямые, аки солома, черные, будто вороново крыло, заплетенные в две вечно растрепанные, непослушные косы. Кстати, я и сарафаны атласные на дух не переношу. И красоты во мне ни капельки нет, в насмешку всем сказкам да былинам... Так, может статься, и впрямь – увидят меня прекрасные эльфы, усмехнутся брезгливо да передумают...

Дверь курятника распахнулась с пронзительным скрипом. Через щелястый порог перешагнула целая делегация. Впереди сам порфиноносный князь Елизар – самодержец и батюшка. По пятам за ним два широкоплечих молодца – братья Будимир и Святомир, седоусый суровый воин – воевода Нелюд, да нянька моя Матрена, женщина героических габаритов. А уж за их спинами, держась чуть в отдалении, вежливо маячили три холеных, разодетых в пух и прах эльфийских гостей. Лучи света, ворвавшиеся в распахнутую дверь, беспощадно высветили меня – криво сидящую на поперечной потолочной балке и свесившую по обе ее стороны пухлые ноги, обутые в простые лыковые лапти. Мельком взглянув на мои замурзанные полотняные штаны и грязную рубаху из серой холстины, батюшка досадливо кашлянул, испытав жгучее чувство стыда и неловкости. Ой, срам-то какой несусветный на его почтенные седины... Княжне, в курятнике, да к тому же в подобном затрапезном виде перед сватами являться! Позор несмыываемый не только на правящую семью, но и на все Красногорье! Будимир бесцеремонно показал мне увесистый, мозолистый от меча кулак, а

Святомир демонстративно вытянул из наполненных ветками яслей гибкий ракиновый прут. Взмахнул им в воздухе, удовлетворенно прислушиваясь к издаваемому розгой свисту. Красноречивому такому свисту... Я упала на балку животом, обняв ее не только ногами, но уже и руками...

– Лучше слезай оттуда сама подобру-поздорову! – не предвещающим ничего хорошего тоном потребовал отец.

Я отрицательно помотала лохматой головой, намереваясь ухватиться за бревно еще и зубами.

– Дитяtko! – всплеснула сдобными руками Матрена, не на шутку испуганная и расстроенная. – Да как же можно против отцовской-то воли идти?

– Как-как... запросто – лаптями! – мрачно буркнула я, впиваясь в древесину ногтями и прицепляясь к ней намертво, будто жук-древоточец. – Фигушки вам, мне и тут хорошо. Так что живой не дамся, не слезу, и не надейтесь! – строптивой скороговоркой пробормотала я, окончательно порушив идею уладить все миром, без применения грубой силы.

Злорадно ухмыльнувшись, Будимир поднял с пола лестницу и приставил ее к балке. Искося на меня поглядывая, он уже начал подниматься по крепким перекладинам, как вдруг Михась, до этого безмолвно сидевший рядом со мной, вытянул правую ногу и сильно пнул по длиннющему боковому шесту.

Громко ахнула тетка Матрена...

Неприлично ругнулся воевода Нелюд...

Лестница несколько минут неустойчиво покачивалась, словно размышляя – стоит ли ей падать, а потом неожиданно замерла и... резко рухнула назад. Басовито орущее тело братца Будимира описало красивую дугу и улетело напрямиком в короб с отборной пшеницей, стоящий у дальней стены курятника. Святомир бросился на подмогу близнецу, но поскользнулся на комке отходов куриной жизнедеятельности и неловко растянулся во весь свой немалый рост. Склочный петух Яшка, донельзя взбешенный посягательством на его законную территорию, шустро подскочил к поверженному богатырю и нещадно клюнул того в затылок. Курицы одобрительно закудахтали, экзальтированно любуясь мужниной удалью. Святомир глухо взвыл...

Михась коротко помянул Пресветлых богов, вытащил из кармана еловую шишку и нахально запулил ею в соблазнительно отсвечивающую лысину воеводы Нелюда...

Заметив, что заинтересовавшиеся всем происходящим сваты ослабили бдительность и подошли слишком близко, я в очередной раз витиевато помянула мерзких гоблинов и, прицелившись, метко плюнула в самого красивого из троих эльфов. Попала удачно, на пижонисто загнутый носок сафьянового сапожка...

Красавец задрал сереброволосую голову и несколько томительно долгих мгновений увлеченно не сводил с меня изучающего взора изумрудно-зеленых глаз. Я возмущенно сверлила его ответным, не менее наглючим взглядом.

Наконец эльф радостно потер руки и расплылся в довольной улыбочке.

– Снимите княжну с этого... – восхищенная улыбка стала еще ослепительнее, – с этого насеста. Мы ее берем!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Тай сердито насупил брови и, легкомысленно подбросив вверх очередной вдоль и поперек исчерканный свиток, ловко подпнул его ногой – метко запулив в дальний угол своей весьма обширной комнаты. Следом полетело магическое самописное перо, искусно сработанное из хрустальной трубки с серебряным наконечником. Выплеснувшись из пера чернила щедро окатили портрет повелителя, по причине порванной веревочной петли просто поставленный в угол донельзя захламленных покоев. В самый грязный, кстати, да еще в оскорбительной близости к корзине для ненужных бумаг. Изображение отца, покрытое многовековыми тенетами, засиженное мухами и поэтому едва просматривающееся на растрескавшемся от старости холсте, обвиняюще взглянуло на принца сквозь чернильное пятно, сварливо скрипнуло разошедшейся рамой и гулко шмякнулось на пол, лицом вниз.

– И правильно поступили, сир, – одобрительно поддержал Тай, обращаясь к портрету, – ведь подглядывать невежливо! Недостойно вас, потому что вашему величеству важнее всего сохранить свое королевское достоинство. А оно есть не что иное, как врожденное умение обидеться заранее, даже если в ваш адрес еще ни одной инсинуации не прозвучало!

Портрет ничего не ответил, видимо признавая свое полнейшее поражение в области педагогики, ибо принц Тайлериан отбил от родительских рук еще лет сто назад и на настоящий момент состоял с отцом в закоренелых и ярко выраженных контрах. Без всякой, откровенно говоря, надежды на примирение.

Тай, на самом деле зовущийся его высочеством Тайлерианом и являющийся самым младшим отпрыском великого Рагнарэля – повелителя клана Белой розы, насмешливо прищелкнул пальцами, потянулся и, не вставая с подоконника, взял с полки чистый свиток. Прищелкнул пальцами, извлекая из воздуха новое перо взамен разбитого. Удобно оперся горбом в стык оконной рамы с прилегающим к нему мраморным откосом, уставился отсутствующим взглядом на веленевый лист и меланхолично задумался. Хоть тресни, хоть вообще убейся – но баллада не получалась... Тай промучился с рифмами целое утро, пытаясь найти идеальную комбинацию формы и содержания, но все оказалось впустую – вдохновение не приходило. Принц заморенно поднял глаза к потолку, вполголоса бубня корявые строчки и сильно смахивая в этот момент на буйнопомешанного идиота. Затем досадливо стукнул себя пером по лбу, словно пытаясь сконцентрироваться на разбегающихся мыслях, и замысловато выругался.

– Что-то я сегодня туплю, как самый бездарный демон с Нижнего уровня! – сам себе пожаловался Тай, кончиками пальцев осторожно ощупывая ушибленный лоб. – Вот ведь сравнение-то дурацкое – «ты как звезда». Да к нему только одна рифма и подходит – ...! – И он громко произнес донельзя скабрзное сквернословие, весьма любимое королевскими гвардейцами, которые излишками придворного воспитания не страдали, а посему и хорошими манерами особо не заморачивались.

Ответом ему стал звонкий девичий смех, донесшийся из бесшумно приоткрывшейся двери. Нахмуренное чело принца немедленно разгладилось.

– Где же ты пропадала почти полдня, Кайра? – весело спросил он, мгновенно забывая о стихах и гибко спрыгивая с подоконника.

– В казарме, конечно, – спокойно ответила высокая девушка с роскошными каштановыми волосами, упругой походкой прирожденного бойца пересекшая комнату и небрежно

чмокнувшая принца в неряшливо измазанную чернилами щеку. – Клянусь Гором¹, употребляемые тобой словечки не очень-то похожи на облагораживающую нас божественную поэзию...

Тайлериан сконфуженно хмыкнул:

– Это все рифма, никак не дается, зараза!

– М-да-а-а, за рифмами гоняться, это тебе не придворным фрейлинам юбки задрать! – с притворным сочувствием вздохнула девушка, скептически усмехаясь.

– Зато теперь я понимаю, почему ты все время ходишь в штанах, – с наигранным недовольством проворчал принц.

– Балбес! – благодушно констатировала Кайра, щелкая его по и так отбитому лбу.

– Уй, полегче, – болезненно вскрикнул Тай, быстро отшатываясь в сторону, – рука-то у тебя железная!

Эльфийка иронично прищурила золотисто-карие глаза, с удовольствием потирая свои небольшие, но мускулистые ладошки, украшенные твердыми бугорками окостенелых мозолей. Таких, какие появляются лишь у опытных фехтовальщиков, денно и ночью не выпускающих из рук оружия, привычного им настолько, что оно становится не просто клинком, а чем-то живым и родственным. Частью души и неотъемлемым продолжением тела. И правда, на боку у Кайры висела великолепная рапира, вложенная в простые ножны из кожи канагерийского слона, прочной, будто железо.

– Да, – девушка кивнула гладко причесанной головой, всецело соглашаясь со словами принца, – мои руки – это уж точно не бархатные пальчики донны Иннелины.

При упоминании Иннелины, самой прелестной и молоденькой фрейлины при дворе его отца, Тай недовольно скривился.

– Да ладно тебе, – смущенно буркнул он, заливаясь предательским румянцем, – это все наши придворные сплетники преувеличивают. Там ничего такого особенного и не произошло, а что было, так то давно и неправда...

– Ой ли? – насмешливо выгнула бровь Кайра, небрежно наваливаясь на подоконник рядом с принцем и спокойно складывая на груди скрещенные руки. – Позволь мне тебе не поверить! Дворец бурлит как растревоженный улей. Твой последний опус у всех на устах... – Она полуприкрыла глаза и со вкусом продекламировала:

Я хотел вчера на вас жениться,
Я наряд венчальный примерял,
Я решил вчера остепениться
И к грехам пристрастье потерял.

Мы могли бы летними ночами
О совместной жизни помечтать
И, альков украсивши свечами,
На любовном фронте воевать.

Вы меня вчера очаровали,
Разорвали сердце на клочки,
Мне здоровье сильно подорвали
От корсета острые крючки.

¹ Гор (Благородство) – один из троих Пресветлых богов-координаторов, брат богини Аолы и королевы Смерти. *Здесь и далее примеч. автора.*

Я хотел бы чувствами гордиться,
Понаделать много славных дел,
Я хотел вчера на вас жениться...
А сегодня – бац, и расхотел!

– Ну и?.. – после недолгого молчания пытливо поинтересовалась Кайра. – Как прикажешь тебя понимать? Постель, расстегнутый корсет, свечи... Не по-детски серьезно это все со стороны выглядит.

– Позволь мне тебе не позволить... – проказливо ухмыльнулся принц. – Как хочешь, так и понимай. Ты, между прочим, нам свечку не держала и меня в спальне Иннелины не видела! А она... не потащит же она меня силой к алтарю Аолы? Ну что поделать, если я ее разлюбил!

– А жениться, случайно, ты на ней не обещал? – продолжала допытываться строгая обвинительница, пряча улыбку.

– Да мало ли что я на ней обещал! – легкомысленно отмахнулся Тай. – Сама знаешь, я влюбчивый, а они... – он кашлянул, старательно изображая смущение, – так и липнут. Сами ко мне в кровать залазят...

– Да знаю я, знаю! – извинила принца Кайра, исподтишка, со странной смесью восхищения и сочувствия рассматривая юношу. – Ты же для них диковинка, навроде песчаной намбудийской пантеры из зверинца твоего батюшки.

Тай уже собирался галантно парировать, что сравнение с пантерой больше подходит самой Кайре, но, уловив понимание во взгляде девушки, сердито прикусил нижнюю губу и обиженно промолчал. Вот уж в чем в чем, а в ее заботливом соболезновании он нуждался менее всего. Тем более что сострадание, по его личным меркам, являлось недопустимым проявлением слабости, унижающим мужскую гордость, – таким слезливым милосердием, сравнимым с жалостью. А душевные подачки подчас ранят намного сильнее самых грубых оскорблений и острых клинков. Поэтому принц невозмутимо отвернулся, снова уткнулся в свиток и сделал вид, что занят только стихами. Кайра насмешливо фукнула сквозь зубы, не сводя с юноши пронизательного взгляда. Тай не переставал ее удивлять вот уже без малого почти пять десятков лет, в течение которых эльфийка добросовестно выполняла обязанности его личного телохранителя, собеседника и друга. Хотя дружить с принцем оказалось нелегко, а временами – труднее, чем охотиться на демонов с Нижнего уровня. Но при этом у Кайры не находилось ни малейшего повода в чем-то обвинять невезучего Тая, который если и не смирился окончательно с выпавшей ему нелегкой долей, то сознательно пошел по пути благоразумия и относительно к ней приспособился. Ведь принц тоже никогда не обижался на тех, кто был явно слабее его – на стариков, детей и глупцов. Так какой же смысл кому-то из нас дуться на злодейку-судьбу, если для нее самой мы все – дураки или, в лучшем случае, дети?

Во всем мире, даже в самых отдаленных и забытых Пресветлыми богами местах: таких как малолюдные пустыни Намбудии, ветреные солончаки приморского Рюнхена или гнилые, смертельно опасные болота маркграфства Эйсен – любят распевать песни, прославляющие легендарную эльфийскую красоту. И песни эти не врут – ведь мало кто способен сравниться с эльфами в тонкости упругого стана, длине ног, густоте шикарных волос и блеске сияющих глаз. Ну если только их ближайшие родственники сильфы. Но из всех прекрасных эльфов, проживающих по обе стороны Хрустальной долины, наипрекраснейшим считался принц Тайлеринан из клана Белой розы, младший сын владыки Рагнарэля. Дети у эльфов рождаются крайне редко, а появление третьего сына и вовсе стало событием уникальным и трагическим, стоившим жизни его матушке – королеве. Но в лице юного принца милостивая

богиня Аола – Дарующая жизнь – словно излила свои самые ценные дары, воплотив в одном юноше все возможные достоинства и таланты. Белая как молоко кожа, удивительно сочетающаяся с волнистой копной черных, будто смоль, локонов. Огромные глаза невероятного фиалкового цвета, высокий рост и безупречная фигура, по слухам, заставлявшая бледнеть от зависти даже троицу неразлучных братьев богини: Гора (Благородство), Ава (Справедливость) и Удра (Мудрость). Губы, нежные как два лепестка розовой орхидеи, неизменно сложенные в приветливую улыбку. И вдобавок ко всему – голос, своим сладостным звучанием затмевающий соловьиные трели в королевском саду белокаменной столицы – тысячелетнего Эль-сила. Таков был принц Тайлериан, краса и гордость Белого клана, всеобщий любимец и баловень. А при этом еще и хулиган каких поискать, разгильдяй, лентяй, нахал, да и бабник невероятный. Не пригодный ни к чему и ни для чего – а только к сочинению стихов, распеванию баллад и шашням с блудливыми, словно кошки, фрейлинами. «Сами виноваты, разбаловали!» – печаленно вздыхал повелитель, любуясь сыном со смешанным чувством гордости и досады. Еще бы не досады. Вроде всем сын хорош: и красив, и умен, и за словом в карман не лезет, а вот нет же – ни к какому делу его не пристроишь. Только и остается послать иноземным его показывать, удовлетворенно выслушивая их восхищенные охи и ахи. А уж сколько после этого брачных предложений по поводу Тая поступает – и не сосчитать. Драконья служба знакомств «Крылатая сваха» давно с ног, вернее, с крыльев сбилась, пачками принося принцу любовные письма от заморских принцесс и графинь! Да вот только толку от всего этого пышного очковтирательства – ноль, и не на йоту больше... Ибо показывать Тайлериана гостям дозволялось лишь сидя, задрапировав его спину специальными подушками, чтобы скрыть уродующий принца нарост, сильнее всего напоминающий горб. Эльфийские лекари тщетно ломали головы, пытаясь определить природу этого странного нароста, названного ими горбом, но не затронувшего позвоночник Тая и не испортившего его поистине царственную осанку. Возможно, это была опухоль, несущая страшную, неизлечимую болезнь? Но цветущий вид принца полностью опровергал и такое маловероятное предположение. Ведь эльфы никогда и ничем не болели. Однако факт оставался фактом – магия и медицина спасовали и отступили, будучи не в силах убрать неприглядную выпуклость, которой так стыдилась вся королевская семья. Вот так-то... Поэтому красота принца оказалась чем-то вроде кота в мешке, достоинством обременительным, ложным и совершенно бесценным – в смысле, никакой цены не имеющим. Впрочем, об этом мало кто догадывался.

По правде говоря, злополучный горб совсем не мешал Таю иметь бесподобную пританцовывающую походку и пользоваться дикой популярностью у особ противоположного пола. Уродство, как всем известно, вызывает гораздо больше нездорового интереса, чем самая безупречная красота, а уж подобное гротескное сочетание уродства с обаянием и вообще делало принца кем-то вроде чужеземного полубога, притягательного и отталкивающего одновременно. А посему, жалуясь на домогательства со стороны придворных девиц, Тай ничуть не кривил душой – доставали они его изрядно и надоели принцу уже почти до тошноты. Легкомысленный и ветреный, он менял пассий словно перчатки, ничуть не задумываясь о разбитых сердцах отправленных в отставку любовниц. Ибо нельзя дать всем все, особенно если всех – много, а всего (то бишь его высочества принца Тайлериана-эль-Таваора) – мало. Да и золотое правило «Если сучка не захочет, то кобель не вскочит» еще никто не отменял. Эгоистично руководствуясь этими немудреными заповедями, Тайлериан предпочитал проводить дни, а также ночи в праздности и развлечениях. Он весьма неплохо сочинял стихи, распивал вино, распевал серенады под окном очередной возлюбленной – скандализируя королевский двор и будоража дворянство слезливой историей очередной отвергнутой невесты. Из-за Тая дамы топились и травились, пускались во все тяжкие и тяжело рыдали, залезали на горы и лезли в бутылку, да и еще много чего глупого творили. Кстати, на энтузиазм соискательниц его титула, горба, руки, сердца и прочих эрогенных частей тела это как раз ничуть не влияло,

и их поток не иссякал. Наоборот, ненасытное женское любопытство жутко распялывало извечнейший матримониальный вопрос – ну когда же найдется та единственная, которая сумеет приручить непокорного принца? Но пока таковой не находилось. Король Рагнарэль ругался на чем свет стоит, обещая лишить сына наследства, старшие братья по-черному завидовали похождениям младшенького, а Кайра преданно охраняла принца от любых нападений – что никого уже не удивляло. Ну на то она и была Кайрой!

Нет, конечно, не просто Кайрой, а ее милостью Кайраной-ил-Эвраил, графиней королевского дома, троюродной сестрой принца Тая и бессменным лейтенантом «Черных наездниц» – знаменитого отряда девушек-рейтаров, смелостью и воинской доблестью намного превосходящих опытных дворцовых гвардейцев. Поэтому связываться с Кайрой отваживались не многие, а еще меньшее количество глупцов после этого выживало, отделившись глубокими ранами, оставленными разящим жалом ее клинка. Они даже внешне выглядели похожими, Тай и его родственница-телохранительница: оба высокие, темноволосые и красивые. Вот только принц частенько страдал приступами плохо поддающегося контролю сумасбродства, а Кайру редко кому удавалось вывести из себя, пробудив хоть одну искру гнева в глубине ее бездонных карих глаз. Острая на язык и умеющая к месту вернуть крепкое словцо, она отлично управляла своими эмоциями, неизменно предпочитая заменять столь любимый при дворе обмен колкостями на колкости другого свойства, именуемые ударами рапиры. «Черная наездница» Кайра славилась хладнокровной выдержкой, стоившей жизни не одному десятку завязых дуэлянтов. Кайра являлась по-настоящему опасной особой. При дворе ее считали патологией, случайной ошибкой природы – как и любую другую женщину, обладающую совершенно несовместимыми качествами: красотой, умом и чувством собственного достоинства. А вот принц Тайлериан Кайру понимал.

Точнее, они с самого начала прекрасно ладили между собой. Он прощал ей некоторое ханжество и закоренелый педантизм, она ему – бесшабашные выходки и нервные срывы, полностью компенсирующиеся добротой, остроумием и тщательно скрываемой порядочностью, с которой принц боролся, будто с самым непримиримым своим врагом. «Трудно жить наивному, если все вокруг хитрые!» – неоднократно претенциозно изрекал он, с садистским удовольствием искореняя в себе все светлое и непорочное. Еще бы, ведь его внутренний мир не имел ничего общего с омерзительным горбом, уродующим спину принца. Поэтому он старательно культивировал уродство души, ювелирно подгоняя его под изъяны своего внешнего облика. Однако стихи, выходящие из-под пера принца, частенько выдавали его с головой – поражая проникновенным лиризмом и незапятнанно-хрустальной чистотой. Вот почему Тай продолжал неизменно удивлять Кайру, искренне любившую его всем сердцем и отнюдь не платонической сестринской любовью. Тай же об этом даже не догадывался...

– Ох уж мне эта магия, – прервала затянувшееся молчание Кайра, чувствуя себя немного виноватой, словно непреднамеренно унизила Тая своими сочувствующими взглядами. – Создавать свитки и перья тебя наш магистр научил, а вот внешность твою исправить... – Она замолчала снова, понимая, что опять ляпнула лишнее.

Принц по-прежнему не оборачивался.

Кайра сконфуженно прошла по комнате, поскрипывая португеей и черными ботфортами. Ее привыкший подмечать каждую мелочь глаз не упустил из виду и пыль на стеллажах с книгами, и косо висящую люстру, и грязные шторы. Принц Тайлериан, славящийся склонностью к элегантным, но неброским костюмам, не замечал царящего вокруг беспорядка, увлеченный лишь стихами и музыкой. Слуги-уборщики редко умудрялись проникнуть в его покои, а самый чистый угол спальни Тайлериан отвел маленькой семиструнной гитаре, бережно уложенной в усыпанный самоцветами футляр. Как и положено полубогу

и гению, принц мало интересовался суматошным земным бытием. Девушка восторженно улыбнулась.

– Да все мы, вояки, одинаковы, – предприняла вторую попытку эльфийка, – толстокожи, грубы и неотесанны. Сила есть – ума не надо...

– Точно, сила, лучше и не скажешь! – радостно воскликнул принц, что-то торопливо записывая. – И как до меня раньше не дошло?..

– Ты тоже так считаешь? – немного раздраженно спросила девушка, получившая столь неоспоримое подтверждение своей скоропалительной теории. – Мм, ну может, я все-таки преувеличила?

Тай повернул к девушке сияющее восторгом лицо:

– Меня внезапно осенило, – он потряс свитком у нее под носом, – я нашел рифму!

Кайра недоуменно приподняла бровь.

Пылай, любви моей звезда!
Душа – пощады не просила,
Ведь страсть – не плеть и не узда,
А дар богов и сердца сила... —

вдохновенно зачитал принц, подглядывая в наспех набросанный черновик баллады. – Я дописал недостающее четверостишие!

Кайра тихонько вздохнула. С одной стороны, она радовалась, что Тай не затаил на нее обиды, а с другой – новые стихи он опять посвятит не ей... Но, искусно скрывая свои истинные чувства, вслух она произнесла совсем другое:

– Отец опять выразит недовольство твоим вопиюще халатным поведением. – Телохранительница удрученно покачала головой. – Ты совсем забросил уроки фехтования и проигнорировал первую его просьбу – все-таки стать воином. А вторую...

– Вторую... – Тай бережно убрал свиток на полку, – к ней я прислушался. Знаешь, я тут подумал на досуге и решил, что отец прав. В конце концов, самый надежный способ обезопасить себя от домогательств, это выбрать одну из многих. Уж тогда-то остальные точно отступятся!

– Хм! – недоверчиво хмыкнула Кайра, подавляя овладевшее ею отчаяние. – И на ком ты остановил свой выбор?

– Сам пока не определился, все прикидываю, сомневаюсь, сравниваю... – Принц смотрел на нее просительно. – Я надеялся получить от тебя совет. Поможешь мне с выбором? Пожалуйста, прошу не в службу, а в дружбу. Все-таки ошибиться тут нельзя, меня ждут великие тела!

– Ну-у-у, – задумчиво протянула Кайра, колеблясь с ответом, – а ты уверен, что тебе интересно мое мнение? Когда совета просит женщина, это значит, что она в первую очередь нуждается в собеседнике. А когда мужчина – значит, он желает обрести подтверждение своей правоты!

– Скорее всего, так оно и есть, – согласно улыбнулся Тай. – Ты всегда рассуждаешь здраво. Но я вынужден выбирать практически вслепую, потому что не очень-то верю этим официальным обманкам. – И он извлек из ящика стола целую охапку ярко раскрашенных картинок.

Кайра ахнула.

– За незнание мужчин платят невинностью, за незнание женщин – судьбой! – философски изрек принц, раскладывая картинки на столе. – Наверняка портреты безмерно льстят оригиналам. Какую из представленных здесь дам предпочла бы ты, будучи на моем месте?

«Меня!» – так и хотелось выкрикнуть Кайре, но она промолчала. Нынешние интересы государства в силу напряженных отношений между кланами требовали, чтобы Тайлериан впервые в истории народа эльфов женился на чужеземке, обычной смертной женщине. Он не являлся наследником престола, и поэтому от него ждали не детей, а выгодного дипломатического хода, вполне полагаясь на то, что прекрасный эльф сумеет очаровать любую девушку, даже невзирая на свой горб. Зато союзников в этом случае у Белых прибавится. Подобные браки еще не заключались, но ведь все в мире когда-нибудь происходит в первый раз. Все это Кайра знала и понимала, а поэтому послушно подошла к столу и склонилась над портретами.

– Вчера я встречался с драконом Рэндоном, главой «Крылатых свах», – продолжал подробно рассказывать Тайлериан, разглядывая портреты чуть ли не с отвращением. – Он любезно презентовал мне всю картотеку класса «экстра» и уверил меня в своей немедленной готовности сосватать, выкрасть или купить любую даму из представленного ассортимента...

– Я полагаю, что мужскую часть картотеки класса «экстра» возглавляешь ты? – насмешливо перебила его девушка. – Не боишься, что какая-нибудь пылкая принцесса закажет драконам тебя?

Тай иронично рассмеялся:

– Не боюсь. Рэндон – мой друг!

– Лучший друг драконов – золото! – безапелляционно провозгласила эльфийка, перебирая портреты. – И ты знаешь это не хуже меня. Друга нельзя купить, зато можно выгодно продать...

– Все-все, убедила! – Тай грустно улыбнулся, мягко прикрывая своей благоухающей розмарином ладонью губы девушки. – Ты настолько же мудра, насколько и красива. Но если отцу в его сиятельную голову что-то втемяшится, то... Короче, я согласился жениться!

– Ну хорошо, – Кайра мотнула головой, отбрасывая ту руку, которую на самом деле мечтала осыпать тысячей нежных поцелуев, – давай обсудим претенденток! – Она подхватила первый портрет, отстраняя его от себя и придирчиво рассматривая. – Как тебе эта – виконтесса Рюнхенская, фрейлейн Брюнхильда?

Тай немедленно скривился, будто съел что-то несвежее:

– Уж очень она толста, свиноматка, а не женщина! Я мне с ней, между прочим, еще супружеские обязанности выполнять придется, ну... хотя бы раз в год, на ее именины.

– Сомневаюсь, – хихикнула Кайра, – по-моему, у этой девицы уже есть в жизни счастливая и взаимная любовь – к конфетам!

Принц брезгливо фыркнул, выхватил у девушки забракованный портрет и бросил его под кресло.

– Лот номер два! – входя во вкус игры, торжественно провозгласила телохранительница. – Младшая дочь офирского кесаря – леди Ксения!

Изображенная на картине девица отличалась крайней худобой, квадратным подбородком, удлинённым лицом и выпирающими вперед крупными зубами. Тай аж икнул:

– Спаси меня Аола! Эта Ксения выглядит такой кобылой, что связавшегося с ней нужно судить за конокрадство!

– Ну ты и пошляк! – гневно попеняла ему Кайра.

– Не пошляк, моя дорогая, – принц настойчиво разжал ладошку девушки, отнимая у нее портрет Ксении и отправляя его в компанию к фрейлейн Брюнхильде, – а эротический шутник!

Кайра покосилась на него недоверчиво и взяла следующую картинку:

– Сама вдовствующая маркграфиня Рюнхенская, фрау Фрира!

Женщина на портрете выглядела от силы лет на тридцать, бесспорно обладала красотой и статью, но, присмотревшись повнимательнее, можно было заметить склочно поджатые тонкие губы стервы и холодные глаза властолюбивой убийцы.

– Благодарю покорно! – бурно отреагировал принц. – Да ты, никак, смерти моей желаешь? Эту благородную даму не зря Фригидрой прозывают, она уже троих здоровенных мужей в могилу свела... – И компания дам под креслом пополнилась еще одним достойным экземпляром.

– Дочь нарронского короля, принцесса Рагунда! – прочитала Кайра подпись под портретом.

– А знаешь, эта вполне ничего! – Тай задумчиво теребил свои локоны. – Не красавица, но вполне мила, и личико умненькое. И, судя по пропорциям, у нее, скорее всего, аппетитные длинные ножки...

– А ноги-то тебе куда упираются? – недоуменно спросила Кайра.

– В плеч... – необдуманно начал принц и тут же осекся. – Ой, прости, пожалуйста, само вырвалось. Ну, ноги – это весьма важно и даже рискованно. Я уже не единожды замечал, что длина мужских рог прямо пропорциональна длине женских ног...

– Ах так, значит, – поддела Кайра. – По-твоему, все жены изменяют мужьям?

– А разве нет? – язвительно переспросил принц. – Если тебе повезло с умной и красивой женой, помни: есть еще и другие мужчины. А если не повезло, не забывай: на свете существуют другие женщины!

– Циник! – нахмурилась Кайра.

– Ну уж каким родился! – Принц галантно поцеловал ее крепкий кулачок. – Но Рагунду мы на всякий случай отложим в другую сторону, вдруг пригодится. Кто там у нас еще остался?

– Дочь красногорского князя, княжна Рогнеда. – Голос девушки неожиданно дрогнул.

– Опять страхо-людина? – иронично скаламбурил Тай, продолжая снисходительно коситься на портрет Рагунды.

– Оцени сам, – тихонько предложила телохранительница, протягивая ему картинку.

Тайлериан небрежно взял портрет, удивленно выпучил глаза и восхищенно присвистнул:

– Ничего себе!

Красногорская княжна оказалась сказочно хороша собой. Овальное лицо идеального очерка красиво обрамляли две толстые золотистые косы. Огромные голубые глаза смотрели счастливо и наивно, между приоткрытых алых губок сверкали жемчужные зубки. Лебединая шея плавно переходила в плечи, а ниже – сквозь кисею рубашки призывно розовели округлые упругие грудки...

Принц тяжело дернул кадыком:

– Кажется, я влюбился!

– А как же недавние разговоры про неверных жен? – ехидно напомнила Кайра.

Но Тай только отмахнулся:

– Наплевать! Завтра же позову Рэндона, пусть летит в Красного...

Внезапно раздавшийся звон прервал пылкую речь принца. В центре комнаты возник полупрозрачный столб голубоватого тумана. Туман сгущался и уплотнялся, постепенно принимая очертания худощавого молодого мужчины, облаченного в белые жреческие одежды. Бритую голову незваного гостя венчал серебряный обруч посвященного богини Аолы, удерживающий легкий капюшон, прикрывающий лицо жреца. Служители-янтры, отдавшие свои души под покровительство Дарующей жизнь, предпочитали прятать глаза, казавшиеся мертвыми из-за постоянного воздействия священной одурманивающей травы. Но без ежедневного вдыхания дыма от сжигаемых на медных жаровнях семян янт жрецы не могли прори-

цать или творить магические заклинания. Вот и сейчас замершие от испуга эльфы видели не настоящую телесную оболочку молодого жреца, а лишь ее ментальную проекцию, силой магии перенесенную на значительное расстояние. Призрак торжественно ударил посохом об пол и раскатисто изрек:

Спешите в Храм, богини дети,
Вам Логрин преподаст урок,
Ведь Зло опять сплетает сети,
Уже грядет жестокий рок...

После этого туманная фигура утратила четкие очертания и опала на пол каплями прозрачной дождевой воды.

Кайра тяжело перевела дух, словно сбрасывая оковы колдовского наваждения. А Тай так и продолжал стоять с судорожно сжатым в пальцах портретом княжны Рогнеды и потрясенно отвисшей челюстью. Наконец он немного пришел в себя.

– Это что еще за фокус? – спросил он Кайру, опасливо водя носком сапога по расплывающейся на полу луже.

Девушка рефлекторно схватилась за рукоять рапиры, да так крепко, что фаланги ее и без того белой кисти побелели еще сильнее.

– А ты не понял?

Принц нахмурил лоб, пытаясь вспомнить что-то, упорно ускользавшее:

– Ну мне как-то доводилось читать о жрецах Великой богини, но они такие редкие гости у нас во дворце, что эльфы уже почти забыли об их существовании...

– Да, – поддержала его девушка, – тебе ведомо не многое. Но, к счастью, я выбираю в королевской библиотеке не только любовные романы, но и серьезные исторические трактаты. Из одного подобного манускрипта я узнала следующее: в глубине Хрустальной долины находится Храм Розы, посвященный богине Аоле...

– Ну это не секрет и для меня! – нетерпеливо воскликнул принц.

Но Кайра не обратила на его реплику ни малейшего внимания и неторопливо продолжила:

– Именно в этом Храме коронуют всех наших владык, правящих как кланом Белой, так и кланом Синей розы. При святилище богини неотлучно находится большая группа жрецов-янтров, основную часть своей жизни проводящих в полусонном трансе. Они изрекают пророчества, призванные разрешить споры между кланами или любые другие бытовые и дипломатические проблемы. Жрецов возглавляет Великий Логрин, просыпающийся раз в сто лет и лишь в том случае, если нашему миру угрожает серьезная опасность...

– И сейчас он проснулся! – прозорливо догадался Тай. – Но что же произошло?

– Очевидно, что-то страшное, – печально подвела итог Кайра. – В последний раз его пробуждение предшествовало ужасной песчаной буре, пришедшей с барханов Рохосса. Тогда погибло много народу и случился затяжной голодный бунт, закончившийся убийством нескольких высокопоставленных эльфов...

– Да хоть бы всех поубивали, лишь бы война не началась... – не заботясь о логике бормотал принц, торопливо смахивая на пол бумаги и отыскивая на захлавленном столе длинный, богато инкрустированный кинжал, который он суетливо привесил себе на пояс. – Любопытно, что напроорочит нам Логрин в этот раз?

Кайра неопределенно пожала плечами:

– Это вполне в твоей манере – так легкомысленно воспринимать грядущую угрозу...

– Ваше высочество! – долетел со двора звонкий крик, врываясь в распахнутое окно покоев принца. – Ваше высочество, принц Тайлериан!

Принц перегнулся через подоконник, выглядывая наружу:

– Я здесь!

– Спускайтесь, ваше высочество! – Молодой паж с трудом удерживал гарцующего коня, высекавшего массивными, надежно подкованными копытами снопы ярких искр из каменных плит, выстилавших площадь перед замком. – К королю явился вестник из Храма, Верховный жрец Логрин призывает всех к себе!

– Иду! – выкрикнул Тай, на бегу застегивая пряжки колета.

Кайра поспешила за ним, предусмотрительно захватив две широкополые шляпы. Она упрямо сжала губы (догадываясь – храмовые новости не предвещают ничего хорошего), преисполненная решимости любым способом защитить принца от надвигающейся беды и даже, если понадобится, ценой собственной жизни. Что ей судьба государства? Счастье и благополучие Тая волновали ее куда больше всех прочих проблем. Внешность бессмертных эльфов никогда не соответствовала их реальному возрасту – в пять лет они казались подростками, а в триста – выглядели на восемнадцать. Но Кайра была намного старше Тая и успела повидать немало странного, вполне отдавая себе отчет в том, что, по-видимому, их страна вступала в очередную черную полосу неудач. «Ну и не везет же нам! – успела подумать девушка, ритмично стуча каблуками вниз по лестнице. – И почему мы такие невезучие?»

Они оказались последними, покидавшими замок. Повелитель Рагнарэль, уже сидевший в седле, раздавал отрывистые приказания, не желая задерживаться ни на минуту. Собравшиеся во дворе эльфы шумно переговаривались, бряцало оружие, ржали кони... На панику это не походило, но и спокойствия не добавляло. Тай одним прыжком вскочил на подведенного пажом жеребца. Кайра кинула ему шляпу с пышным плюмажем. Принц удачно поймал любимый головной убор и небрежно нахлобучил его на свою взлохмаченную шевелюру. Из-под белого пушистого пера лукаво подмигнул фиалковый глаз, намекая: «Не дрейфь, сестренка, прорвемся!» Кайра умиленно заулыбалась.

– Поехали! – властно скомандовал король и взмахнул рукой.

Кавалькада всадников взяла в галоп.

Промытое дождем луговое разнотравье сменили мраморные плиты, пожелтевшие и растрескавшиеся от древности. Тай ехал не поднимая глаз. Он пытался рассмотреть полустертые рисунки и орнаменты, встречающиеся ему на пути. Кто и когда построил эту грандиозную дорогу? На этот вопрос не смог ответить даже его отец, проживший так много столетий, что он уже и сам позабыл год своего рождения.

– Прошло больше тысячи лет! – неопределенно хмыкнул повелитель, не желая ввязываться в бессмысленные разговоры.

Лицо короля хранило отпечаток мрачной озабоченности, потому что Рагнарэль прекрасно понимал – пророчества Логрина несут его стране одни лишь горести и неисчислимые беды. Не раз и не два в течение своей долгой жизни он встречался с Верховным жрецом богини Аолы и отнюдь не желал новых, таких же прискорбных встреч. Рагнарэль не боялся никого и ничего – его очерстневшая душа уже изжила само понятие страха, как позабыла она и нежность любви, сладость поцелуя, радость доброты. Король признавал лишь честь и долг. Но пророчеств Логрина повелитель все-таки опасался, скрывая свою боязнь под маской наносной твердости и мужества, приличествующих настоящему владыке. Ведь если разобратся, разница между трусом и храбрецом заключается всего-то в умении правильно распределять свои эмоции, да еще – вовремя их проявлять. Но возраст неизбежно стирает видимую грань между трусостью и отвагой, заменяя их глупостью или мудростью. Все люди и эльфы мечтают жить долго, но никто из них не хочет стареть. Битву со старостью Рагнарэль проиграл давно и бесповоротно, разумно променяв молодость на умение принимать верные решения и заботиться о благе государства. Его некогда прекрасное лицо избородили глубо-

кие морщины, волосы поредели и поседели. Руки покрыли безобразные бурые пятна, шея обросла складками, а стройный стан – расплылся и отяжелел. Вид короля вызывал отвращение, но выцветшие серые глаза еще не утратили прежнего стального блеска, внушая невольное уважение и принуждая: склонись, подданный, ибо перед тобой – владыка!

Благоговейно поклонившись озабоченному нелегкими думами отцу, Тай отъехал в хвост длинной вереницы всадников, чуть придержал коня и склонился к земле, зорко всматриваясь в мраморные плиты. На самом деле он не являлся таким уж замшелым невеждой, коим намеренно выставил себя перед Кайрой. Принц обладал острым умом, умением анализировать информацию и огромными знаниями в самых различных областях культуры, истории и теологии, но предпочитал не выставлять это напоказ, справедливо полагая – с дураков всегда меньше спроса. Тайлериан не брезговал рыться в ветхих, заплесневелых сундуках, спрятанных в глубине библиотечного подвала и наполненных обрывками старинных, полустлелых рукописей. А ведь они таили много интересного, неся остатки запрещенных знаний, рассказывающих о судьбе Земли и столетиях ужасной Мертвой зимы.

Когда-то на их планете обитали иные нации, развязавшие чудовищную войну, в результате которой мир погрузился в пучину разрушения, холода и смерти, порожденных атомной энергией. Не выжил никто. Но потом на Землю явились Великие Творцы и подарили умирающей планете второй шанс. Все началось заново. А теперь Земля состояла из нескольких мелких островов и двух обширных материков – Антеи и Ундоры, населенных множеством рас и разбитых на пару десятков государств. На территории Антеи мирно сосуществовали люди и эльфы, орки и кентавры. В зеленых оазисах Ундоры, отделенной от Антеи водами Моря Туманов, хозяйничали мудрые драконы. Мало кому удавалось достичь жаркой Намбудии, протянувшейся вдоль ундорского побережья и нагревающей воды Моря Туманов до такой степени, что от них исходил пар, как от камней в эльфийской бане...

Принц преданно оберегал тайные знания, надеясь когда-нибудь хоть краешком глаза увидеть все эти невероятные чудеса. Он категорически не желал становиться воином или королем, он мечтал о судьбе великого путешественника и менестреля, воспевающего в балладах просторы родного мира. А еще он грезил о настоящей любви... И перед мысленным взором Тая вновь возникло прелестное личико красногорской княжны, заставившее взволнованно забиться его ветреное сердце...

– Храм, впереди Храм!

Неожиданно раздавшийся возглас оторвал Тайлериана от его размышлений. Он вскинул голову и... с трудом сдержал вопль безотчетного восторга, непроизвольно рвущийся с губ. Храм Розы слыл самым удивительным сооружением во всем мире.

Таю никогда еще не доводилось посещать Хрустальную долину, вход в которую охраняла пара чешуйчатых грифонов. На протяжении всего пути он прикрывал лицо широкими полями своей шляпы, почти ослепнув от нестерпимого сияния тысяч кристаллов горного хрусталя, густо покрывающих склоны обеих гор, образующих долину. Старшей сестры – на которой высилась грозная цитадель Ширул-эль-шэн, обитель клана Синей розы, и Младшей сестры – его родного дома, где среди благоухающего хвоей соснового бора стоял белостенный город Эль-силь, столица клана Белой розы. Но Храм Розы во сто крат превосходил оба легендарных шедевра, построенных эльфийскими архитекторами.

Он напомнил принцу полураспустившийся бутон чайной розы, отлитый из стекла и золота. Чей изощренный ум проектировал эти ажурные арки и воздушные мостики, чьи искусные руки чеканили это высокое крыльцо и створки изящных ворот, распахнувшихся словно половинки морской раковины? Эльфы сошли с коней и упали на колени. На крыльцо церемонно выступила вереница жрецов, трепетно ведущих под руки необычайно высокое, тощее существо. Его хрупкие кости, напоминающие многосуставчатые конечности насекомого, соединялись под немислимыми углами, складываясь во что-то невероятное – не похо-

жее ни на человека, ни на эльфа. Жрецы медленно откинули кусок плотной ткани, окутывающий лицо странного создания. Тай вздрогнул, потому что глаза Великого Логрина прикрывали серые, морщинистые веки, спускающиеся до середины щек.

– Поднимите мне веки! – скрипуче повелел Верховный жрец, слепо поводя руками, будто ощупывал склонившихся перед ним эльфов.

На короткое мгновение принцу померещилось – его головы коснулось что-то влажное, чужеродное и неживое. Волна ужаса прокатилась по спине юноши, на висках выступил холодный пот.

Свита молодых жрецов бережно подняла обвисшие лоскуты кожи, открывая Логрину обзор. Два луча ослепительного белого света вырвались из его темных глазниц, сея страх и отчаяние в рядах коленапреклоненных дворян. Невозмутимым остался один король Рагнарэль. Взор жреца медленно скользнул вдоль шеренги собравшихся и остановился на принце Тайлериане...

Глава 2

– Рогнеда, вставай! – Чья-то рука настырно трясла меня за плечо, прерывая сладкий утренний сон. – Да вставай же!

– Сгинь, не буди во мне зверя, – басовито рыкнула я силным спросонья голосом, – он и так не высыпается!

– А вот неча было вчера допоздна на заднем дворе саблями махать, а потом чуть не до утренней зорьки с княжескими латниками пиво лакать и матерные частушки голосить! – ехидно поддел меня зануда Михась, бухая на стол тяжеленный двухведерный самовар. – И голова, глядишь, сегодня не болела бы!

– Если голова болит, значит, она у меня есть! – не менее ехидно сообщила я, протяжно зевая, потягиваясь и почесывая заголившийся живот. – Хоть бы отвернулся, бесстыдник!

– А чего я там не видывал? – равнодушно ответил Михась, споро выставляя на стол блюдо с пирогами и разливая по кружкам ароматный офирский чай. – Девки-то наши, насмотревшись эльфийских мод, почитай нагишом ходить начали. Так что меня теперь уже ничем не удивишь!

– Ага, так, значит! – неопределенно хмыкнула я, вылезая из-под лоскутного одеяла и усаживаясь на лавку. – С чем пироги-то?

– Так с крольчатиной, вестимо, – деловито доложил мой оруженосец, шумно прихлебывая из блюдца. – Как ты вчера изволила с новым луком упражняться и случайно подбила ручного крола княгини Зои, так я его поварихам на кухню и снес. Чего, думаю, зря добру пропадать?

– Ага! – снова отреагировала я, задумчиво жуя и пытаюсь сообразить, что сделает со мной женушка старшего братца Радомира, проведав о печальной участи, постигшей ее любимца. – А княгиня уже знает?

– Да нет еще, – шмыгнул носом парнишка. – Их светлость вчерась тоже в терем поздно прибыть изволили, ибо почитай до последней утренней звезды в эльфийском театре просидели!

– Ага! – в третий раз подряд меланхолично выдала я. – В театре, значит...

– Княжна, а княжна, загадай загадку свеженькую! – приставуче заканючил Михась. – Ну ради Аолы!

– Загадку? – улыбнулась я. – Давай отгадывай тогда, коли сам напросился. Без рук, без ног – на бабу скок. Что это?

Отрок восхищенно заскреб в лохматом затылке:

– Инвалид Игошка с базара?

– Не-а!

– Не ведаю тады!

– Коромысло.

– Ух ты, хитро-то как! – приоткрыл рот Михась. – Да такое и эльфы не скумекают.

А я задумалась еще пуще – и на фоне этого незаметно ухватила да схмячила второй пирог, оказавшийся невероятно вкусным. Опять Михась про каких-то эльфов балакает!

– Ой, а ты чего это заикаться вдруг перестал? – запоздало спохватилась я. – Небось волхв Никодим расстарался?

– От этого толстопузого, кажется, дождешься... – ворчливо отмел столь невероятное предположение паренек, пренебрежительно морща конопатый нос. – У него одна присказка: «Молись богине Аоле, отрок, и все тебе будет!». Как же, будет! – Михась весьма похоже передразнил богатую мимику мокрогубого, апоплексичного и важного первосвященника богини. – Над моим горем и так все княжеские кони ржут!

– Ну это ты, дружок, лишку загнул! – рассмеялась я, чуть не подавившись крольчатинной. – Коням на тебя уж точно наплевать...

– Ах, – подпрыгнул на лавке парнишка, явно вспомнив по ассоциации что-то интересное, – наши жеребцы плевать не умеют. А вот видел я наемни у эльфов зверя чудного, который так плевать горазд, что ему все княжеские холопы завидуют! И прозывается тот зверь – вербля...

– Чего? – недоверчиво протянула я.

– Вирблюдь! – торжественно выдал Михась, чуть ли не по слогам произнося сложное заморское словечко.

– Верблюд, олух ты этакий! – наставительно поправила я. – Я про него в книге читала!

– Ну мы неграмотные, академиев не кончали! – философски откликнулся Михась, за обе щеки уплетая вяленый виноград.

– Ой, чего-то я тебя не понимаю, – растерянно посетовала я, намеренно пропуская мимо ушей давно набивший оскомину намек на мое двухгодичное обучение в Нарронской академии, откуда меня в итоге вышибли с треском и скандалом. – И с чего это на нашем столе лакомства деликатесные, чужеземные появились?

– Так я тебе и говорю, – как ни в чем не бывало продолжил оруженосец. – Гулял я вчереась по эльфийской ярмарке, изюма купил и пилюли лечебные у лекаря ихнего, от которых мое заикание враз как рукой сняло...

– А не брешешь, часом? – усомнилась я.

– Как можно?! – возмутился оруженосец.

– Так к нам что, эльфы приехали? – все-таки дошло до меня. – Зачем?

– А кто ж их поймет! – довольно чавкнул Михась. – Делегация какая-то к батюшке твоему прибыла. Все чин чинном, как и положено: послы, обоз, бабы красивые, воины с мечами, и ярмарка на площади со всеми развлечениями прилагается – с лавками, тятром, колдунами и лекарями. Красотища неимоверная! Весь город от радости с ума рехнулся, на потехи эльфийские гляючи...

– Хм!.. – Я задумчиво подперла кулаком нечесаную голову. – Давненько эльфы к нам не заглядывали! Ох, чует мое сердце, неспроста это...

– Так и я об том же! – согласно поддакнул оруженосец, состроив хитрую морду. – Надобно все самим разнюхать и увидеть. Пойдем на ярмарку, княжна?

По его предательски заблестевшим глазам стало понятно, что Михась страсть как хочет снова попасть на площадь и всласть потарашиться на эльфийские чудеса. Но мне эта идея почему-то не нравилась...

– Кто?! – Дикий женский вопль сотряс тихий княжеский двор. – Кто посмел?!

– Она! – Михась обреченно втянул голову в плечи. – Все, хана нам пришла! Как пить дать, княгиня Зоя про крола убиенного прослышала...

При этих словах я тоже почувствовала себя немного неуютно. Зоя, супруга батюшкиного первенца и наследника, тридцативосьмилетнего богатыря Радомира, ласкового и спокойного, будто телок, среди челяди прозывалась пышно и красноречиво – Змеей особо ядовитой! Происходившая из жутко чванливого семейства офирских кесарей и являвшаяся достойной дочерью печально знаменитого сатрапа² Помпидия княгиня отличалась невероятной толщиной и столь же невероятной вспльчивостью воистину невозможного характера, обладая талантом в считанные мгновения выводить из себя кого угодно, в том числе и обычно равнодушного, малость заторможенного Михася. Поэтому связываться с Зоей не решался никто, даже я.

² Здесь: жестокий деспот.

– Что, так это княжна моего Пушкиа пристрелила?! – Повторный, еще более пронзительный визг так резанул по ушам, что я чуть не оглохла. Слюдяные пластины в окнах испуганно задребезжали. – Да как же она посмела, дрянь непутевая!

– Рогнеда, а Рогнеда, – торопливо зашептал мне отрок, обводя хоромы затравленным взглядом и стуча зубами почище любого крола, – мне князь Радомир по секрету рассказывал, что его демонова супружница даже не скалкой, а поленом дерется! Так, может, мы это, уберемся отсюда подобру-поздорову, пока поздно не стало? А то, боюсь, после полена нас даже эльфийские лекари не откачают...

Лестница, ведущая на второй этаж, в мою светелку, жалобно заскрипела под торопливыми, пудовыми шагами. Кажется, я побледнела.

– Гоблин с тобой, соблазнитель, быстренько идем на ярмарку! Только учти, мы не от Зои сбегает, а отправляемся налаживать дипломатические контакты с дружественной нам державой... – Я наигранно невозмутимо подхватила с лавки, сгребая в охапку ножны с саблями, сапоги и кафтан.

– Здорово придумано, по-княжески! – льстиво поддержал Михась, шустро увязывая в платок злополучные пироги. – А через окно, думаю, оно сподручнее будет... – И, не дожидаясь меня, он рыбкой нырнул в открытое окно, приземлившись прямиком на стог хорошо просушенного сена.

Я выбросила наружу одежду с оружием и привычно выпрыгнула следом. Этим стогом мы пользовались весьма часто, сбегая то от вспылчивого батюшки, то от надоедливых братьев, а то от чересчур заботливой тетки Матрены. И поводы для столь неординарного отступления почему-то находились почитай каждый день, ибо, как любит говорить наш волхв Никодим, «свято место пусто не бывает!».

– Приветствую тебя, Хранитель! – Логрин чуть заметно поклонился, не сводя с Тая своего страшного, пронизывающего насквозь взора.

Принц обомлел. Остальные эльфы взволнованно загалдели.

– Ты ошибаешься, жрец! – Тайлериан постарался как можно корректнее опротестовать неслыханное заявление Логрина. – Не понимаю, на что ты намекаешь, но никакой я не Хранитель. Да мне и хранить-то нечего, ибо я даже не наследник престола...

Сухие, растрескавшиеся губы Верховного жреца исказила уродливая, почти издевательская усмешка:

– Тебе не удастся обмануть меня, Хранитель. Я вижу намного дальше, чем ты. А изменить судьбу способны лишь две непостоянные, часто меняющиеся местами величины, именуемые везением и невезением...

У Тайлериана немедленно мелькнула дикая, но вполне уместная в данной ситуации мысль, что пророку известно о жизни нечто гораздо большее и важное, чем это мог предположить кто-либо из собравшихся у Храма. И принцу показалось, что он уже почти понял скрытую суть слов пророка: если научиться обращать невезение в везение, как две части одного неразрывного процесса, то вполне вероятно, что...

Но тут за спиной принца потрясенно вскрикнула Кайра, к месту припомнившая свои недавние размышления и, как на беду, сбившая его с крутившегося в уме невероятного открытия. Логрин тоже услышал девушку и, внушительно подняв скрюченный палец, оканчивающийся длинным, загибающимся внутрь когтем, указал на нее.

– Я вижу на тебе смерть! – Он раскинул костлявые длани, словно стремясь охватить собравшуюся перед Храмом толпу. – Я вижу смерть на всех вас! Вы обречены!

– Ты выжил из ума, старик! – громко возмутился Халлагизель-эль-Реанон, повелитель клана Синей розы, прибывший со Старшей сестры. – Оставь при себе свои дурацкие угрозы!

– Разве Логрин когда-нибудь ошибался? – иронично спросил Рагнарэль, выдвигаясь из рядов своих соплеменников и становясь напротив второго владыки. – Отрицая или намеренно игнорируя угрозу, ты от нее не избавишься, Хал!

Халлагизэль, красивый пепельноволосый мужчина мощного телосложения, находящийся в самом расцвете величия и зрелой красоты, пренебрежительно усмехнулся, снисходительно рассматривая своего одряхлевшего соперника. «Куда старикан лезет? Да из него давно песок сыплется!» – брезгливо отметил Халлагизэль. Уже не первый год Синий мечтал о воссоединении двух кланов и новой эре расцвета единого народа эльфов – конечно же под его единоличным управлением.

– До тех пор пока нами командуют слабые старики, мы так и будем бояться любого непонятого видения, пригрезившегося полубезумным жрецам, обкуренным травой янт. Но разумно ли это?

Синие поддержали своего предводителя громкими воинственными воплями. Рагнарэль осуждающе покачал седой головой:

– Оказывается, мудрость приходит не ко всем! Куда способна завести тебя жажда власти, Хал? Помни, мало иметь цель в жизни, нужно еще и уметь метко стрелять...

Конец фразы потонул в возмущенном вое Синих.

– Это оскорбление? – вкрадчиво поинтересовался Халлагизэль, словно невзначай кладя руку на рукоять меча.

– Всего лишь предостережение! – миролюбиво улыбнулся Белый. – Поверь моему опыту, вскоре произойдет нечто такое, что по сравнению с этим событием все наши разногласия покажутся сущей мелочью...

– Дед, да ты, никак, устал. Пойди отдохни, – насмешливо посоветовал Хал. – Нам не нужны труссы!

– У одних главные полушария защищены черепом, а у других – штанами! – не сдержавшись, выкрикнул Тай.

По рядам Белых эльфов прокатились обидные смешки.

Синие ответили дружным лязгом вынимаемых из ножен клинков.

– Заткни своего уродливого щенка, Рагнар! – краснея от бешенства, сквозь зубы прорычал Халлагизэль. – Иначе, клянусь Аолой, я сделаю это сам! А у меня слова с делом не расходятся!

– Чтобы слова не расходились с делом, нужно молчать и ничего не делать! – еще более дерзко парировал вооруженный одним кинжалом Тай, раздвигая дворян, преданно прикрывающих его своими плечами, и смело выходя вперед.

– Помню, рождались у нас крылатые эльфы, – отстраненно вымолвил Логрин, делая запрещающий жест и не позволяя своим жрецам вмешиваться в назревающую свару, – но вот горбатый – впервые!

– Ты не воин, – унижительно хмыкнул Хал, намекая на горбатую спину принца, – ты неполноценный. Для меня нет чести в том, чтобы убить слабого калеку!

Синие мерзко заржали. Лицо Тая побледнело.

– Никогда не бей лежачего, ведь он может встать! – почти выкрикнул он. – Я, урод, вызываю тебя на поединок, владыка Халлагизэль!

– Достаточно распрей, эльфы! – Логрин звучно грохнул об пол своим посохом. – Не для этого я вас сюда созвал. Мой сон нарушило страшное видение... – Тело жреца внезапно затряслось в приступе конвульсий, изо рта пошла пена. Он почти упал на руки бережно поддерживавших его жрецов и начал пророчествовать глубоким, благозвучным голосом, так не похожим на его привычный скрип:

Беда – направо, смерть – налево,

Зла поднимается стена,
Но между ними – только дева,
А за спиной ее – война.

И коль нужна тебе победа,
Ее возьми любой ценой,
Ведь деву ту зовут Рогнеда,
Ты назови ее женой.

От сильфской рождена царицы,
Отец ее – свирепый тролль,
Клинки ей вложены в десницы,
Ей суждена благая роль.

Во имя мира, света, рода,
Во имя двух святых богинь,
Полюбит дерзкого уroda...

Логрин силился сказать что-то еще, но тут из его горла хлынула густая черная кровь, щедро пятная белые одеяния. Жрецы мгновенно подхватили ослабевшего Великого пророка и поспешно унесли его в глубь Храма, плотно заперев за собой чеканные дверные створки. Эльфы остались на крыльце, растерянные и недоумевающие.

– И что все это означает? – поинтересовался Халлагизель, всегда больше склонный к проявлению спонтанной воинской доблести, чем к многоходовым умозаключениям. – Подобной несусветной чуши мне слышать еще не доводилось...

Дворяне шокированно переглядывались, будто стремились переложить на плечи соседа тяжкую обязанность растолковать повелителям смысл сего туманного пророчества.

– Я знаю всего одну сильфскую царицу, – прервал затянувшееся молчание молодой Гектор, повелитель сильфов. – Мою сестру Феррис!

При упоминании имени Феррис лицо Халлагизеля негодующе вытянулось.

– Не смей защищать свою блудливую сестрицу! – злобно прошипел он. – Никогда ее не прошу!

– На ошибках учатся, после ошибок – лечатся! – рассудительно усмехнулся Гектор. – Вот и пожинай теперь то, что посеял.

Халлагизель сжал кулаки, будучи не в силах переносить публичное осмеяние своей венценосной особы и бесцеремонное обсуждение постигшего его позора. Ибо личная жизнь короля касается только его одного... Наступила напряженная тишина, грозящая вылиться в еще более опасный скандал. И тут принц Тайлериан поднял руку, привлекая к себе внимание всех собравшихся:

– Кажется, я знаю, о чем пророчествовал Логрин!

– Рассказывай! – в один голос воскликнули оба повелителя.

Принц смущенно прокашлялся:

– Всем нам хорошо известна прискорбная история повелительницы Феррис. Она оказалась старшей в королевском сильфском роду и унаследовала трон предков, испокон веков проживавших вместе с кланом Белых эльфов в славном Эль-силе. Кроме того, молодая королева была умна и необычайно хороша собой. По неведомым нам причинам она отвергла Пресветлых богов и дала обет служения иноземному богу Брану, покровителю воинов. Феррис отказалась от трона в пользу младшего брата Гектора и отправилась странствовать. Она отсутствовала много лет, а потом внезапно вернулась – больная, умирающая. Королева

обмолвилась, что в далеком краю у нее осталась дочь, рожденная от страстной, но несчастной любви. Лекари клана Синих сумели излечить прекрасную Феррис, но взамен повелитель Халлагизель потребовал ее любви, хотя сам к тому времени уже успел связать себя узами брака с другой женщиной. Феррис родила от Халлагизеля сына – Грея, которого ее брат, король Гектор, пока остающийся бездетным, усыновил и объявил своим наследником...

– Неправда! – взбешенно выкрикнул Хал. – Она сама меня соблазнила! Она настоящая ведьма, эта ваша хваленая Феррис!

– Продолжай, сын мой, – спокойно попросил Рагнарэль, пропуская мимо ушей грубые слова Синего.

– Совсем недавно я слышал об одной девушке, носящей имя Рогнеда! – закончил свое повествование Тай. – Она дочь красногорского князя. Но, судя по пророчеству Логрина, возможно, и не родная...

– И что из того? – глуповато спросил Халлагизель.

– Получается, что лишь тот, кто женится на княжне Рогнеде, и избегнет грядущей беды! – высказал смелое предположение Тайлериан.

– Разумно и очень связно! – одобрительно закивал головой его отец. – Нужно немедленно отрядить посольство в это Красногорье и выяснить все на месте. И если окажется, что эта девушка действительно имеет отношение к пророчеству Логрина, то я попрошу у князя ее руки. Кажется, – повелитель невесело усмехнулся, – я вполне подхожу под определение «урод»...

Тайлериан смотрел на отца потрясенно расширенными глазами. Так вот чего он добился! Практически своими руками отдал другому мужчине ту, в которую влюбился с первого взгляда. А он-то тут распинался, заботился о всеобщем благе, помогал, толковал пророчество жреца... И Таю стало смешно чуть ли не до слез. Как все-таки несправедлива судьба, наобум отмеривающая нам неравные дозы везения и невезения! Вот уж точно – любое решение проблемы плодит новые проблемы. Причем решения могут приходиться в голову одному человеку, а проблемы от этого возникают совсем у другого. И принц проклял свой хорошо подвешенный язык, который имел свойство чесаться часто и всегда – не вовремя! Однако Тая утешало то, что пока оставалось неизвестным его скорому на дипломатию отцу – надежда на своевременную помощь дракона Рэндона...

«Принято считать, что браки совершаются на небесах, ну или, на худой конец, у подножия алтаря богини Аолы. Брачующиеся клянутся друг другу в верности до гроба, обещают понимать и поддерживать свою вторую половину и в радости, и в горести, до тех пор пока смерть не разлучит их. А также произносят прочие высокопарные бла-бла-бла под чутким руководством первосвященника богини. Молодожены смешивают в кубке свою кровь, которая торжественно выливается на храмовый жертвенник, выпускают в небо пару белых голубей и переламывают пополам краюху хлеба. Ну и, как положено, вся эта куча ритуалов заканчивается первой брачной ночью, призванной фактически скрепить действительность брака. Ах да, еще и совершенно идиотская утренняя демонстрация простыни новобрачных, запачканная девственной кровью непорочной невесты. Все традиции соблюдены. Забытым осталось лишь одно – самое главное, а возможно – далеко не главное. Любовь! Да какая тут любовь, пренебрежительно хмыкнет кто-то, если при заключении брачного союза принято в первую очередь заботиться о выгоде, укреплении политических связей, продолжении династии и рождении наследников. До любви ли тут? Ведь чувство влюбленности, способное нагрянуть внезапно, когда его совсем не ждешь, имеет свойство уравнивать всех и вся: богатых и бедных, молодых и старых, аристократов и простолюдинов, красавцев и уродов. О, эта извечно воспеваемая возвышенная любовь, являющаяся явным торжеством воображения над интеллектом! Любовь... Да далась всем эта гоблинова любовь, от которой всегда

больше проблем, чем счастья, пользы и удовольствия! Неоспоримо лишь одно – любовь это то, о чем трепетно мечтают молодые, наивные девушки. Но с другой стороны, любовь это и то, чем занимаются женщины в тот самый момент, когда мужчины удовлетворяют с ними свою физиологическую потребность... А такую приятную потребность еще можно вспомнить и даже попытаться реализовать...»

Губы повелителя Рагнарэля, скачущего обратно в Эль-силь, расплылись в похотливой усмешке. В его долгой жизни тоже случалась настоящая любовь. Но сейчас он думал отнюдь не о ней и совсем не о чувствах неведомой ему княжны Рогнеды. Интеллект на этот раз возобладал. Возможно, молодая девица захочет любви. Но женщины любят в первую очередь ушами, а женские ушки безмерно любят бриллианты, недостатка в которых у короля не наблюдалось. Поэтому эльф горделиво приосанился и подхлестнул своего белого жеребца, полностью уверовав в успешность задуманного предприятия. Ибо рядом с политикой и необходимостью выжить любой ценой – любовь, безусловно, отходит на второй план.

Вот только всегда ли?

– Любовь весьма похожа на рыбалку, – вслух рассуждал принц Тайлериан, свернувший на незаметную боковую тропку и удрученно углубившийся в непролазную лесную чащу. – Не клюет – сматывай удочки! Чего уж теперь надеяться на удачу, если в игру вступил такой всесильный рыбак, как мой державный батюшка? Причем ни о какой любви здесь и речи не идет, княжну просто купят за золотые шамули³, будто племенную кобылу. А всему виной мой треклятый язык. Ведь знаю, что слово – не воробей. Вылетит, потом взамен него такие неприятности поймашь... – Принц сокрушенно вздохнул.

Он бросил поводья, предоставив коню самостоятельно выбирать приглянувшуюся ему дорогу. Угасающие лучи скатывающегося к закату солнца едва пробивались сквозь кружевное плетение буковых листьев. Укрывающиеся от дневной жары птицы немного осмелели, высовывая свои острые клювики из спасительной тени раскидистых кустов. Принц хорошо знал эти места. Невдалеке располагалась укромная лесная поляна, густо заросшая крохотными соцветиями колокольчиков. Место успокоения и неги. Место, над которым не властны время и обременительные земные хлопоты. Место вдохновения и отдохновения. Именно там ему так замечательно удаются стихи и легко дышится полной грудью. Утомленный скачкой конь вступил на поляну, наклонил голову и аппетитно захрумкал свежей, сочной травой. Тай сорвал с головы шляпу, скинул рубашку с колетом и, раскинув руки, плашмя рухнул в безбрежную колокольчиковую синь, обнаженной кожей впитывая живительную силу земли. Закрыв глаза, он упоенно вдыхал нежный аромат отягощенных нектаром цветов. И, словно угадав его романтическое настроение, совсем рядом, на ветке столетнего дуба, мелодично и пронзительно запела какая-то птица, умело выводя проникновенную песню разбитой любви и погибшей надежды. Тай пожалел, что не взял с собой гитару, но и без нее слова новой баллады, неожиданно родившейся в страдающем сердце, прозвучали так, что заставили умолкнуть даже птицу, безоговорочно признавшую превосходство титулованного менестреля:

Она приходит так незримо,
Она волнует плоть и кровь,
Но мы порой шагаем мимо,
Не различив тебя, любовь.

Себя бездельем занимаем,
Себя в грехи ввергаем вновь,

³ Шамуль – эльфийская денежная единица.

И страсть случайно убиваем,
Не распознав тебя, любовь.

Но если вдруг запела нота,
Ты ей уже не прекословь
И не лишай души оплота
К тебе пришедшую любовь.

Не распыляйся на мгновенья,
В плохих стихах не пустословь,
Лови восторга дуновенья
И приручай свою любовь.

Ведь в нашей жизни все вершимо,
К добру ты сердце приготовь,
Чтоб не прошла случайно мимо,
Не различив тебя, любовь...

От стихов принцу немного полегчало. В голове прояснилось, мысли обрели привычную четкость и лаконичность.

«В конце концов, – утешал он себя, – начинать делать глупости нужно как можно раньше, тогда у тебя останется значительно больше времени на их исправление. Негоже мне отступать перед лицом трудностей. Да, я приобрел новых врагов, которые пытаются втоптать меня в грязь и порушить мою любовь. Вот только одного они не учли – грязь, в которой меня вываляли, оказалась лечебной. Я избавился от прежних необоснованных страхов и неуверенности в себе, я решил не сдаваться и бороться до конца. Бороться за свой кусочек любви и благополучия. Я уже не верю в невезение, теперь я верю в удачу. Потому что удачливым является тот, кто способен сложить фундамент будущего счастья из камней, которые бросают в него другие!»

Так же как и король Рагнар, повелитель Халлагизель торопился домой. Он немилосердно подстегивал и так уже почти загнанного жеребца, бороздя острыми шпорами его в кровь изорванные бока, а железными удилами беспощадно терзая нежные губы благородного скакуна. Несчастное животное всхрапывало и задыхалось, рассеивая хлопья смешанной с сукровицей пены. Устав противостоять жестокому всаднику, конь взбунтовался и, встав на дыбы, сбросил короля в клубящуюся вокруг них дорожную пыль. Удар от падения оказался чувствительным. Озадаченный Халлагизель неловко сидел на шероховатых мраморных плитах, потерянно таращась вслед удаляющемуся галопом коню. И внезапно эльф грубо расхохотался:

– Умная тварь, – восхищенно похвалил он строптивного жеребца. – Ты оказался догадливее меня. Вот так и надо решать возникшие проблемы, разрубая их одним ударом острого клинка. Я возьму пример с тебя...

Он поднялся на ноги, отряхнул испачкавшийся плащ и размеренно зашагал вперед, поджидая, когда его догонит порядком отставшая свита и приведет ему другую, более послушную лошадь. В голове короля созрел хитроумный план.

– К гоблинам вашу прекрасную Феррис! – мрачно бормотал Халлагизель, не желая думать о той, утрата которой до сих пор вызывала в нем страшную горечь потери и нежелание признавать собственные ошибки. Король Халлагизель отличался гипертрофированным честолюбием, но и честолюбием, в том что касалось женщин, грешил не меньше. – Нет,

княжна Рогнеда не достанется тебе, старый дурак Рагнар! Пускай моей она не станет, но и тебе ее не видать. Клянусь, я придумаю надежный способ разрушить твои планы. Настала пора действовать. Я бы, конечно, и сам не отказался от молоденькой девицы, но моя королева до сих пор дуется на меня за эту ведьму Феррис. Давать ей новый повод для семейных дрызг мне сейчас не с руки. Гораздо важнее устранить со своего пути рассыпающегося от старости Рагнара вкупе с его заматеревшими сынками и захватить власть над кланом Белых. Они излишне расслабились и отвыкли от серьезных боев. Уподобились миролюбивым вилланам и неосмотрительно забыли про мечи. А мы, прирожденные воины, не перековавшие мечи на орала, непременно станем пахать на тех, кто это сделал! И посмотрим тогда, чего стоят все устрашающие пророчества Логрина!

И король плотнее замотался в бархатный плащ, донельзя довольный собственной находчивостью, начисто забыв поучение Рагнарэля, гласящее, что мудрость, увы, с возрастом приходит не ко всем.

Глава 3

Я сняла ночную рубашку и натянула кафтан, попутно отметив невесть откуда возникшую свежую дыру под мышкой и необъяснимую пропажу пары пряжек. От заскорузлых, давно не нюхавших дегтя сапог разило вроде бы пивом, но, возможно, чем-то еще более пикантным. М-да-а-а, однако отменно мы вчера на завалинке посидели! По-другому и не скажешь. События минувшего вечера припоминались смутно, с превеликим трудом... Я испуганно ойкнула и торопливо выдернула из ножен обе сабли. Слава Дарующей жизнь, клинки оказались зеркально чистыми. Фух, пронесло, кажется, вроде на этот раз я никому членовредительства не устроила и конечностей никого не лишила. А ведь случались уже прискорбные прецеденты, взять хотя бы для примера шумную историю с сыночком боярина Путятя, повадившимся ловкими своими пальчиками таскать монеты из храмовой кружки для подаяния. Пальчики-то я ему укоротила знатно, фаланги на две... Ладно, эта история давно уже в прошлом! Я сугубо ради собственного удовольствия наново вытерла клинки о штаны, любуясь острыми лезвиями парных сабель. Клинки отливали незамутненным серебряным блеском, а удобные рукояти лежали в моих ладонях как влитые. Это бесподобное оружие презентовал мне воевода Нелюд, правильно решивший, что наши двуручные мечи-кладенцы, которыми так горазды шуровать разлюбезные братцы-княжичи, слишком тяжелы для моих девичьих, пусть и не очень нежных рук. Уррагские сабли подошли мне идеально. Легкие и короткие, слегка изогнутые и снабженные удобными рукоятями с простыми плоскими гардами, они удобно помещались в наплечные ножны, позволяя выхватывать клинки одним неуловимо-резким движением. А какие «мельницы» я крутила этими саблями – любо-дорого посмотреть!

– Оса с двумя ножичками! – довольно бурчал в бороду суровый воевода, насмешливо наблюдая, как я нещадно гоняю по хорошо утоптанной площадке взопревшего словно боров брата Радомира, жалобно покряхтывающего под непомерной тяжестью жутко оттягивающего руки и плечи кладенца. – Порхает, жалит, а поди ж ты, попробуй-ка такую прихлопнуть!

Несмотря на высокий рост и некоторый лишний вес, двигалась я ловко и стремительно, с танцевальной грацией, недоступной всем берестянским богатырям-тяжеловесам. Вместе с иноземным оружием я переняла у Нелюда и совершенно непривычную для красногорских вояк технику ближнего боя, однако хорошо знакомую удалому воеводе, побывавшему во множестве лихих сражений.

– Уррагские всадники ведь как себя обычно ведут? – авторитетно разглагольствовал Нелюд, прижимая к теплему боку хорошо протопленной печи левое, сильно ноющее к смене погоды плечо, некогда словившее вражескую стрелу. – Налетят скопом на конях, наших ротозеев, кто за щитами укрыться не успел, в капусту порубят – и умчатся обратно. Аки коршуны стремительные, и поминай их потом как звали! А наши-то бугаи на битюгах, забодай их комар, сплошь железом обвешанные, пока-а-а раскачаются... Но степняков уже ищи-свищи, будто ветер в чистом поле. Ибо шустры уррагцы беспримерно, а по-ученому – маневренны зело. Недаром степняков даже офирские кесари себе в охрану нанимают, и прозывают те отряды дикими сотнями...

Княжьи ратники слушали мудрого воеводу, пораженно приоткрыв рты и вылупив от усердия глаза. О воинских подвигах в нашей компании мечтали все без исключения. Уж так сложилось, что подружек у меня с рождения не водилось, вот и тянулась я за старшими братьями. Они за меч – и я туда же. Они за стрелу – а у меня уже, глянь, две точно в яблочко засажены. Воевода Нелюд только прищелкивал языком от восхищения да одобрительно поглаживал седые усы. Но батюшка моим успехам не радовался.

– Видано ли такое, – брюзгливо ворчал он, гневно топая сафьяновым сапогом, – девке, да за мечи браться? Не твоего это ума дело, доча! У нас, в Берестянке, про баб одна при- сказка в ходу: волос долог, да ум короткий. Ваша бабья забота замуж выходить, детей рожать да щи мужику варить! Ишь что удумала негодница, в мужской одежде ходить да с сабель- ками острыми баловаться...

Но я не слушалась!

В какой-то момент у батюшки закончилось терпение, и он отправил меня в Наррон- скую академию для благородных девиц, обучавшую дочерей родовитых семейств различ- ным нужным в жизни премудростям, как то: пению любовных романсов, игре на гитаре и лютне, вышиванию и прочей занудной (на мой взгляд) лабудени. Надо ли говорить, что отчислили меня очень скоро, причем с громким скандалом, прибавившим немало седых волос в батюшкиной окладистой бороде.

И с замужеством я тоже не сподобилась! Засиделась в девках до двадцати двух лет, поэтому по нашим меркам считалась безнадежным перестарком. Не протоптали женихи тропинку к порогу моей девичьей светелки. По правде говоря, приезжала как-то однажды парочка захудалых иноземных аристократов, но и те, увидев мои решительно сжатые губы и услышав свист сабель, быстренько унесли ноги, не польстившись даже на немалое прида- ное, посуленное щедрым батюшкой, мечтавшим сбуть с рук непокорную дочь. А сундуки для свадебных нарядов, пустые и заброшенные за ненадобностью, так и пылились себе в сарае.

Не взяв меня измором и угрозами, державный родитель отважился на хитрость. Известный берестянский богомаз Фрол, отличавшийся новаторскими манерами живописи и завидно набивший руку на малевании облика Пресветлых богов для многочисленных сто- личных храмов, исполнил заказ батюшки и изобразил мою парсуну, в качестве модели взяв пригожую дворовую девку Витку. Ох и хороша же была Витка! При каждой встрече с ней у братьев-близнецов разве что слюни в три ручья не текли, а уж горящие плотским желанием глазенки точно сходились к переносице. Сказка, а не девица! Косы золотые в пол, глаза голу- бые бездонные, уста коралловые сахарные, талия как тростинка, а бедра завлекательно пол- ные. Но князь строго-настрога велел Витку беречь, княжичей-кобелей от нее батогамы отго- нять и показал раскатавшим губищи сыновьям увесистый отеческий кукиш, подкрепленный вразумляющим подзатыльником. Бояре встретили действия князя льстивыми поклонами и восхвалениями. Одна я относилась к подобному родительскому демаршу неодобительно. А ну как, насмотревшись чудесного портрета, повалят к нам принцы да графья заморские, к прекрасной княжне Рогнеде свататься? А княжна-то на самом деле – ни кожи ни рожи...

За неимением лучшего я кое-как умылась из поилки для скота, вытащила из-за голе- нища сапога поломанный костяной гребень и предприняла отчаянную попытку продрастья сквозь свою спутанную гриву. Волосы сопротивлялись стойко. Тогда я поплевала на ладони и немного приладила непослушную шевелюру на висках, решив, что и так сойдет, чай, не в храм собираюсь. Михась, позволявший себе периодически критиковать распустеху-хозяйку, что-то негромко проворчал насчет того, что мной, дескать, только ворон на огороде пугать, а ходить с неряхой-княжной по эльфийской ярмарке зазорно. Я хмуро зыркнула на болтуна, прикидывая, не выдать ли его на экзекуцию княгине Зое. Угадав мои мысли, Михась поклонился до земли:

– Не обижайся, светлая княжна. Ты прекрас... но сама все знаешь, писаной красавицей тебя не назовешь!

– Ага, – привычно хмыкнула я и покосилась на свои грязные сапоги. – А вот описанной запросто.

Но все-таки, раздраженная неодобительными взглядами оруженосца, я на всякий случай погляделась в отполированное лезвие сабли, желая проверить, что же такого необыч-

ного он узрел на моем лице. Никак там что-то грандиозное объявилось? Я не ошиблась, на кончике облупленного носа красовались не только веснушки, числом и яркостью ничуть не уступающие михаськиным, но и здоровенный, багрово-красный прыщ.

– Ага! – констатировала я. – Вчера его еще не наблюдалось!

– Так, подись, это, пиво попало несвежее... – задирая голову к небу и скромно ковыряя землю носком лаптя, ненавязчиво предположил Михась.

Я снова с сомнением взглянула на свои непонятно чем заляпанные сапоги:

– Так ты хорошо запомнил, где находится лавка того эльфийского лекаря?

– А как же, – радостно закивал парнишка, – идем, я покажу...

– Куда? – На высоком крыльце княжеских хором нарисовалась группа пестро разряженных женщин, среди которых я с замиранием сердца узрела дородную княгиню Зою. – Стоять на месте, ироды проклятые!

Михась придушенно пискнул, прячась за мою широкую спину.

– А поведай-ка мне, Рогнеда свет Елизаровна, что же это такое плачевное с Пушком моим ненаглядным приключилось? – с подковыркой спросила княгиня, бочком пытаясь слезть с достаточно крутых ступенек.

– Ну, – призадумалась я, – подсказал нам лекарь эльфийский, что заболел твой крол болезнью редкостной, смертельной и чрезвычайно заразной! Он ведь в последнее время почти не прыгал?

Княгиня согласно кивнула, видимо абсолютно не понимая, что ее несчастный кролик практически утратил способность шевелиться не просто так, а от хронического обжорства, приведшего к крайней стадии ожирения. Впрочем, этот же диагноз можно было смело ставить и половине ее боярышень, не говоря уж о самой княгине.

– Ай и как он от нее мучился, зверек горемычный! – с притворной жалостью всплеснула руками я, успешно входя в роль справедливого борца за права животных. – Сил моих не достало смотреть на страдания бедолаги безвинного, ну и решила я по доброте душевной участь его тяжкую облегчить... – В моем голосе проскользнули певучие интонации нашего придворного сказителя Баяна.

– Так! – уже не столь грозно произнесла Зоя, постукивая себя по ладони увесистым поленом. – А в чем же выражается эта болезнь?

– Э-э-э, – тут же нашлась я, – кто мяса зараженного поел, тот сначала чесаться начинает, потом по всему телу у него идут зловонные вереды⁴, волосы выпадают и суставы ломит. А уж после этого скорая смерть наступает...

Зоя торопливо шагнула обратно. За спиной у княгини испуганно завизжали приближенные боярышни. Кажется, неправедных пирожков успели отведать не только мы с Михасем. Оставалось удивляться тому, сколь огромное количество выпечки получилось из одного крохотного кролика.

Княгиня растерянно почесала поленом толстую щеку. Следом за ней рефлекторно зачесались и боярышни...

– Ну вот, первый признак налицо! – заупокойным тоном подметил Михась.

Зоя затряслась словно студень, закатывая глаза под лоб и хватаясь за перильца. И тут дверь княжских палат распахнулась повторно. На мигом ставшее тесным крыльцо вывалилась ватага моих неугомонных братцев, возглавляемых неразлучными близнецами Будимиром и Святомиром, да еще средним – распрекрасным княжичем Елисеем. Елисей, безмерно гордящийся своей завидной статью и лощеной пригожестью, с утра успел вздеть праздничную шелковую рубаху и украсить лоб плетеной бисерной лентой. Тайком засматриваясь во

⁴ Веред – чирей.

вделанное в ножны меча зеркальце, княжич подкрутил тонкие усики и молодецки приосанился. Картину маслом нарушил басовитый голос Будимира.

– Это кто ж опять в отхожем месте дрянь по стульчаку размазал?! – требовательно взревел братец, потрясая подозрительно грязными руками.

Боярышни демонстративно повели носиками и брезгливо отодвинулись в сторону.

– Да, кто-то у нас в тереме антисанитарию разводит, гигиену нарушает, – ележно пропел книжник-Елисей, гордо переступая стройными ногами, обутыми в сапоги на высоких каблучках, и случайно зацепляя за кончик длиннющей Зоиной косы, лежащей на досках крыльца. – Так и до болезни какой вульгарной недалеко!

Услышав про болезнь, дебелия княгиня сдавленно застонала и попыталась упасть в обморок.

– А все Рогнеда виновата, – ябедничал Елисей, хитро на меня поглядывая, – она одна после уборной руки моет. Ох неспроста это!

– У, злыдень! – тихонько окрысилась я, не желая вдаваться в подробное описание хороших манер, с грехом пополам, но все же привитых мне в академии.

Братца Елисея я не любила особенно, по причине его вопиющего зазнайства и безмерной хвастливости. Я уже хотела обнародовать, что виновником грязи в уборной, бесспорно, является единственный сыночек княгини Зои, семилетний Васек, в полной мере унаследовавший ее вздорный характер, но братец продолжил заливаться соловьем:

– Надо бы княжну лекарям заморским показать, чую, у нее не одна болячка опасная обнаружится, а заодно всех тех, кто с ней рядом стоит, дабы не допустить эпидемии...

Услышав очередное непонятное, но безусловно умное слово, трусливые, будто овцы, боярышни резво сыпанули с крыльца, локтями расталкивая всех кого ни попадя. Елисей покачнулся... Княгиня Зоя окончательно повисла на хлипких перилах, покрываясь пунцовыми пятнами от прилившей к голове крови. Раздался негромкий треск, и роскошная Зоина коса, неосторожно придавленная ногой доброго молодца, эффектно отвалилась от шитого жемчугами кокошника...

– Второй признак, волосы выпадать стали... – меланхолично загнул палец Михась. – Пора бы начинать гробы сколачивать! Эпидемия, однако...

Княгиня обреченно взвыла дурным басом и грузно рухнула со ступенек, в щепы ломая резные перила. На крыльце началась паника.

Под шумок мы с Михасем тихонько улизнули со двора, давась хохотом и добрым словом помяная крохотного кролика, даже после смерти сумевшего устроить столь эффектный переполох.

Во времена моего недолгого, но весьма памятного обучения в Нарронской академии мне частенько доводилось почитать увлекательные эльфийские летописи, витиевато описывающие наиболее достопримечательные места Антеи и Ундоры. В них сказывалось о бескрайних пустынях Рохосса и Намбудии, об искрящемся брызгами Водопаде тысячи радуг, соединяющем Рону и Лиару, о прекрасной Долине кленов и запретных тайнах Края Тьмы. Но, вопреки всем сказкам и легендам, самым красивым и достойным восхищения уголком земли я всегда считала свое родное Красногорье, густо поросшее белоствольными березовыми рощами. Название нашей стране дала жирная красная глина, испокон веков добываемая на многочисленных горах и пригорках. Из нее получались отличные пузатые горшки, и в самые жаркие дни безупречно сохранявшие прохладу наливаемой в них воды, а посему охотно закупаемые иноземными купцами. А славный град Берестянский, хоть давно уже крытый не берестой, а разноцветной черепицей, бесспорно, являлся самым интересным городом, пусть даже и не вошедшим в знаменитые орочьи книги рекордов. По моему субъективному мнению, до привлекательности Берестянского не дотягивал и сам великий Офир – столица

Офирской империи. Впрочем, подобным гипертрофированным патриотизмом страдала не одна я, а все красногорцы от мала до велика.

Мы бодро топали по каменной мостовой, радушно улыбаясь встречным горожанам и дивясь непривычному обилию праздно разгуливающего по улицам народа. День-то ведь сегодня будний. Но, присмотревшись, я заметила, что кокетливо принаряженная толпа слаженно движется в одном конкретном направлении, очевидно направляясь в сторону раскинувшейся на площади эльфийской ярмарки. Наше внимание привлекли два шатко покачивающихся латника, пытавшихся в обнимку противостоять неумолимому притяжению земной поверхности. Я прислушалась.

– Слышь, Гаврила, – пьяно повествовал первый, отчаянно потев под вздетой поверх кафтана кольчугой. – Иду я вчера себе по площади, никого не трогаю, а на меня бах – лошадь несется!

– Да ну! – бурно изумился рыжеусый Гаврила. – А дальше-то что?

– Дальше? – Рассказчик горделиво выпятил тощую грудь. – Дык это, поднялся я, значит, на ноги и дальше иду. И тут на меня бац – медведь выскакивает...

– Да ну! – не поверил Гаврила. – А потом?

– А потом это, встал я с земли, отряхнулся и слышу вдруг приятный такой женский голосок с отчетливым эльфийским акцентом: «Мужик, а мужик, отошел бы ты от карусели...»

Мы с Михасем схватились за животы от хохота, торопясь миновать лихих пьянчужек.

Над нашими головами, на втором этаже высокого терема распахнулось окно, из которого высунулась щекастая молодуха и взыскательно заголосила на всю улицу:

– Кума Фекла, а кума Фекла, твой муж как, уже с ярмарки возвертался ли?

В доме напротив отворились симметрично расположенные ставни, являя нашим взорам упитанную блондинку с длинной косой.

– Да нет, кума Милена, все еще в пивной сидит!

– Вот и брал бы, дурак, с моего пример – его давно уже домой принесли! – ликующе сообщила Милена, показывая соседке язык.

Внезапно внизу громко бухнула входная дверь.

– Петро, родненький! – испуганно запричитала Фекла. – Ты пришел?

– Ни-ни, – развязно отозвался слегка заикающийся мужской баритон, – я только за гармошкой!

Я тихонько прыснула в кулак, поражаясь – да что же это за диво дивное, эта эльфийская ярмарка? Михась лукаво улыбался.

Нас обогнали два хорошо одетых боярских сына, еще совсем безусые юнцы, однако усиленно пытающиеся произвести впечатление тертых жизнью ухарей.

– А вот эльфы нам вчера в лавке доказывали, – солидно рассказывал один, специально огрубляя голос, но, тем не менее, постоянно срываясь на подростковый фальцет, – что их вино и без ледника два месяца продержится, не скиснет!

– И как? – заинтересовался второй мальчишка, чубатый, в парчовой ферязи⁵.

– Ну мы и проверили – не продержалось! – хохотнул обладатель фальцета. – Зело вкусное, собака, оно для этого оказалось!

Неожиданно из переулка, почти перегороженного солидными свежошкуренными воротами, вывернул еще один паренек, едва держащийся на ногах и сплошь перемазанный осыпающимся с одежды суглинком.

– Михайло, братуха! – бурно возликовал любитель эльфийского. – Ах ядрена вошь, ты где же это был? А мы-то с ног сбились, тебя по всей ярмарке искали!

⁵ Ферязь – длиннополая верхняя мужская одежда.

– На-а-а кла-а-адбище... – неуверенно проблеял Михайло, смурно вертя в пальцах увядший надгробный веноч.

– А что, кто-то умер? – испугался чубатый.

– Лексей, не поверишь, та-а-ам все умерли... – пьяно прослезился Михайло, повисая на шее у друзей.

Лексей захлопал за компанию:

– Это еще что! Вот мы вчера у эльфов в лавке таких заспиртованных животных видели, что у меня до сих пор сердце кровью обливается!

– Да ты чего разнюнился, там же всего три лягушки и было-то, – упрекнул его самопровозглашенный дегустатор вина.

– Вот именно, лягушек-то три-и-и, а спирта первосортного – литров де-е-есять! – еще пуще заскорбил чубатый. – Ить эльфы какое непотребство учудили, расточители поганые!

Оставив рыдающих парнишек, горько оплакивающих печальную участь зазря переведенного алкоголя, мы свернули в калашный ряд, заканчивающийся возле самой площади и умопомрачительно благоухающий свежewe выпеченным хлебом. Расплачиваясь за булочку с маком для себя и рогалик Михасю, я продолжала ненавязчиво наблюдать за покупателями, суетившихся около выставленных на улицу корзин с калачами. В душе царило спокойствие, разбавленное некоторой толикой любопытства. Ведь все вокруг только и делали, что толковали об эльфийской ярмарке.

«В конце концов, чем я рискую? – рассуждала я, за обе щеки уплетая теплую булку. – Меня ни за что не узнают в таком затрапезном наряде, ай и батюшке, подишь, никто не доложится, чем княжна втихомолку занимается. Да и ничего такого в этом нет! Гляну одним глазком на потешные балаганы да лавки лекарские – и бегом домой, в светелку, как и положено скромной девице на выданье. Уж коли я сегодня со своим плохо умытым рылом даже в калашный ряд сунуться осмелилась...»

Подле прилавка с выпечкой становилась бабка лет восьмидесяти, вызывающе укутанная в красную душегрею, насурьмленная и нарумяненная, будто гулящая девка.

– Ну и молодежь нынче пошла, срам один! – беззубо шамкала старуха, неодобрительно косясь на увлеченного рогаликом и поэтому не замечающего ничего вокруг Михася. – Вот раньше молодежь была – не чета нынешней. Помню, лет шестьдесят назад как выйду я на ярмарку, так ни один парень спокойно мимо не пройдет, а нынче хоть бы кто привязался! Нет, совсем парни испортились... – Бабка сердито плюнула в сторону Михася и поплелась прочь, стуча клюкой.

Я старалась сохранять серьезное выражение лица, сдавленно фыркая в кусок булочки.

– Михась, да что же это за ярмарка такая волшебная, если она всех в Берестянке, считай, разума лишила? Я должна это видеть! – все-таки не выдержала я.

– Вот, а я тебе что говорил? – наставительно хмыкнул мой прикормленный сдобой философ. – А ты еще идти туда не хотела!

Широко расставив ноги и заложив большие пальцы рук за поясной ремень, я с хозяйским видом стояла на площади, любясь открывающейся моему взору картиной. Картина радовала. Эльфы устроили ярмарку по-умному – со вкусом, позитивным творческим подходом и не без юмора. Чувствовалось, гости у нас в городе окопались прочно и надолго, пока не вытянут из красногорцев последний золотой червонец – домой не уедут, во всяком случае, по своей инициативе. Впрочем, зря я на Первую расу наговариваю – многие из привезенных на ярмарку чудес демонстрировались безвозмездно, то есть даром, в рамках акта доброй воли, так сказать. Обязанность бдительно надзирать за общественным порядком возложили на специальный отряд конной княжеской дружины, правда, в данный момент – вдрызг пьяного и вповалку храпящего вокруг изящного серебряного фонтанчика, из которого тонкой струй-

кой било самое настоящее миндальное пиво. Я так и не смогла толком разобраться, кто же храпел громче – уработавшиеся вояки или же их не менее упившиеся кони. Но и без надзора на площади царила умиротворенно дружелюбная атмосфера. Все, кто еще мог ходить, срочно исправляли столь неприятное недоразумение, а те, кто уже не мог, и вообще не доставляли никаких проблем. И как только народ умудрялся спать при таком шуме, ума не приложу. С грохотом взрывались поминутно взлетающие в небо петарды, рассеивая горсти бумажного конфетти. Где-то за шатрами взхлеб наяривала разбитная балалайка, и издаваемые ею звуки удивительным образом сочетались не только с ухающими вздохами гармонии, но и с нежным напевом эльфийской виолы. Из-за отгороженного парчовым пологом театрального навеса то и дело доносились шквальные и совершенно искренние аплодисменты, служившие лучшим доказательством мастерства приезжих лицедеев. Я прочитала броскую афишу, гласившую, что сегодня вниманию зрителей представляется печальная история «Взаимной страсти двух юных влюбленных, происходящих из враждующих семейств, а посему – разделенных родовой ненавистью, предательством, ядом и смертью». Автор – В. Шекспир. Судя по звучанию имени, автор пьесы являлся стопроцентным эльфом.

«Ничего себе страсти-мордасти заморские, – иронично подумала я, прислушиваясь к многоголосому хору долетающих из зала рыданий. – Теперь уж точно княжеский экономеразорится на носовых платках для ранимых сердцем боярышень, а окончательно сбрендившие от любви девки начнут пачками вешаться на Елисея, у которого и без того самомнение зашкаливает намного выше нормы». Но в театр я не пошла.

Миновав дегустационную лавку эльфийских вин, павильон с косметикой и нарядами, заманчивые лотки со сладостями, мы с Михасем очутились перед огромным зверинцем, находящимся как раз вровень со знаменитой каруселью. Я пристально уставилась на одну из клеток, да и застыла как вкопанная.

– Идем же к лекарю! – тащил меня за руку Михась.

– Да погодь ты, – шипела я, осененная гениальной идеей. – Глянь, какие кролики симпатичные в клетке сидят, точь-в-точь покойный Пушок княгини Зои!

– Ну и что? – не понял меня парнишка, демонстративно помахивая узелком с пирожками. – Пушок-то вот он где! Раскуси пяток штук и собери кролика...

– Забудь про пирожки! – возмутилась я, выхватывая у оруженосца сверток с выпечкой и бросая его безногому бродяге Игошке, сиротливо прикорнувшему на охапке соломы. – Пожертвуем их этому голодному оборванцу. Кушай, милоч!

Калека на лету поймал узелок, мгновенно развязал замазлившуюся тряпку и впился зубами в первый попавшийся пирог, смачно хрустнувший поджаристой корочкой. Расчуввав, что дармовое угощение оказалось с мясом, и начиная понимать, какое негаданное счастье на него свалилось, попрошайка, вместо того чтобы возблагодарить щедрых нас, неожиданно выпростал из недр своего тряпичного гнезда ноги, выглядевшие абсолютно здоровыми, и задал первостатейного стрекача. Привязанные к коленкам валики, правдоподобно имитирующие обрубленные культы, так и мелькали. Видимо, обманщик опасался, что мы передумаем и заберем обратно вожделенные пироги.

– Ты смотри-ка, – возмущенно хохотнул Михась, – никак, невинно убиенный крол удостоился ранга святого великомученика и обрел способность исцелять...

– Так пусть он и сам воскреснет, – хулиганисто подмигнула я.

Я уже собиралась договориться о покупке кролика, как оруженосец внезапно дернул меня за рукав кафтана, призывая к вниманию. Я недовольно обернулась и тут же громко помянула всех гоблинов вкуче с их матушками и бабушками. Потому что через ярмарочную площадь, точно по направлению к нам, двигалась внушительная делегация хорошо знакомых мне лиц.

Впереди неслась разъяренная, аки кобра, княгиня Зоя, выразительно потрясающая увесистым сосновым поленом. Из-под кокошника благородной дамы непрезентабельно свисал куцый белобрысый хвостик собственных волос. Атласный сарафан княгини, способный накрыть все огуречные грядки в княжьем огороде, устрашающе трепыхался. За Зоей вприпрыжку следовал разнокалиберный выводок голосящих словно по покойнику боярышень, ведущих под белы руки мелодраматично всхлипывающего княжича Елисея. Всеобщего кумира и признанный предмет обожания сотен берестяных невест. По половине лица красавца разливался безобразный, сине-черный синяк. Видимо, полено княгини все же нашло достойный объект, стопроцентно повинный в утренних беспорядках.

– Вон она, хватайте княжну! – пискляво заголосил Елисей, вырываясь от гроздю облепивших его баб. – Мамой клянусь, она заразная!

Я недовольно нахмурилась. Учитывая тот факт, что матушка княжича умерла много лет назад, данная им клятва выглядела, мягко говоря, не совсем этичной.

– Что тут происходит? – вежливо поинтересовался умопомрачительно красивый эльф, приподнимая полог ближайшего к нам шатра и выходя на улицу. – О какой заразе идет речь?

– Мы ловим больную девушку! – нашелся Елисей.

– Разве девушек ловят? – Затянутый в приталенный колет эльф галантно склонился перед пыхтящей словно печь княгиней и куртуазно чмокнул ее толстое запястье. – Девушек привораживают!

Зоя мгновенно остыла, звучно выпуская пар и влюбленно таращась на пепельноволого незнакомца.

– Любую спорную ситуацию нужно решать не силой, а с помощью переговоров, – любезно раскланивался гость. – Могу ли я проводить прекрасную госпожу в лавку с парфюмом? – Он предложил Зое согнутую крендельком руку.

Княгиня расцвела людоедской улыбкой. Она развернулась на каблуках, шагнула вперед и... наступила на пирожок, оброненный спешно улепетнувшим бродягой.

– Что это?! – снова взывала почти успокоившаяся дама.

– Пирог, – недоуменно пожал плечами эльф, услужливо наклоняясь и нюхая раздавленную смесь теста и мяса. – Свежий и, по-моему, с крольчатиной...

Зоя хищно ослабилась, поворачиваясь ко мне и мощно замахиваясь поленом...

– Держите девушку, она заразная! – поддал жару гад Елисей. – Это эпидемия!

– Где эпидемия? – Из лекарского шатра стремглав выскочил тощий мужчина, облаченный в серую мантию. – Кто заболел?

– Она! – злоратно указал на меня княжич.

Но в тот момент мне стало совсем не до происков вредного братца. Я резво присела, уворачиваясь от обрушивающегося на мою голову полена. Утратившая опору княгиня шумно рухнула вперед, прямо на ближайшую клетку, случайно сбивая висящий на ней замок.

Пепельноволосый гость испуганно вскрикнул, признавая совершенную несостоятельность эльфийской дипломатии перед всесокрушающим воздействием первородной женской силы.

– Мы ее вылечим, – понимая, что терять уже нечего, неосмотрительно пообещал он.

– Кого, меня?! – взбешенно спросила княгиня, с помощью боярышень кое-как поднимаясь на ноги. Вид Зои был страшен. Кокошник свалился с головы, обнажая редкие жидкие волосенки, лоб перемазался в свежем навозе. – Меня? Ах ты нахал туземный! – Сосновое полено со всего маху опустилось на красивое плечо незадачливого эльфа, нещадно сминая щегольский наряд.

Гость сложился пополам, что-то неразборчиво вереща о своей дипломатической неприкосновенности.

– Осмелюсь напомнить про свинцовую примочку! – опрометчиво встрял лекарь.

«Ой, зря он это сделал! – мелькнуло у меня в голове. – Наша Змея особо ядовитая – отраву похлеще цианида!»

– Иди ты со своими примочками знаешь куда!.. – Княгиня раздухарилась не на шутку, второй зачетный удар адресовав мужчине в лекарской хламиде. – Да я вас всех... – Она замерла с поднятым вверх поленом.

Из раскрывшейся клетки вразвалочку вышел огромный старый крокодил и озадаченно щелкнул зубами, заспанно щуря подслеповатые глаза.

Боярышни согласованно визжали на самой высокой ноте. Елисей геройски выхватил меч, намереваясь обрести вечную славу доблестного женского защитника. Лучик солнечного света отразился от зеркальца на его ножнах, полоснув по глазам едва поднявшегося на четвереньки эльфийского лекаря. Тот неприлично ругнулся, прикрылся растопыренной ладонью и выронил пузырек, до этого крепко зажатый у него в руке.

Бабахнуло. Площадь заволкло густым зловонным дымом. Донельзя перепуганный крокодил прыгнул прямо на княгиню и тут же огреб поленом по рылу. Ошарашенное животное тоненько хрюкнуло.

– Мамочка! – запоздало взревела Зоя, постепенно начиная отходить от опьяняющей эйфории победоносного боя. – Он же меня съест!

Выскользнувшее из ее натренированных пальцев полено птичкой порхнуло в сторону, метко заехав Елисею по второй, здоровой щеке. Княжич взвыл не своим голосом и плашмя рухнул на зазевавшихся баб, вслепую отмахиваясь мечом – кромсая косы, сарафаны и шали. Отныне слава женского защитника ему точно не грозила! Кое-как очухавшийся пепельноволосый эльф отчаянно бросился в образовавшуюся кучу, спасая впавших в истерику боярышень от заполошно мечущегося княжича. И в этот эпохальный момент к зверинцу наконец-то прибыла не до конца протрезвевшая конная дружина, не сразу разобравшаяся, кого бьет, но горячая желанием приступить к немедленным карательным действиям.

Я крадучись отошла в сторонку и, усевшись на пустую бочку, спокойно взирала на творящееся передо мной безобразия. Площадь бурлила, гудела и ходила ходуном, куда там скромному утреннему скандальчику на княжеском крыльце!

«Кролики, – сардонически усмехнулась я, – это не только два, а то и три килограмма нежирного диетического мяса, но это также и два, а то и три грандиозных скандала!»

Но особой вины я за собой как-то не чувствовала. Ну подумаешь, случайно подстрелила одного несчастного крола. Видать, судьба у него такая. А я... Да, уговорили, признаю – не повезло немножко, но не стоит из этого раздувать такую страшную драму... С кем не бывает? Мое внимание привлекли жалобные, поскуливающие звуки. Я нагнулась вперед, ладошками разгоняя остатки дыма и вглядываясь во что-то странное, угловатое и многолапое... В глубине клетки в обнимку скорчились Михась и ни в чем не повинный крокодил, успевший вернуться в безопасное место.

– Михась, вылезай оттуда, никто тебя не тронет, – проникновенно пообещала я.

– Д-д-да? – с сомнением спросил парнишка, еще крепче прижимаясь к земноводной твари. – Ч-ч-честно?

Я вздохнула:

– Пошли-ка лучше лекаря твоего искать. Кажется, тебе не повредит новая порция пилюль от заикания...

– А все с к-к-кролика началось, – слезливо пожаловался Михась.

– Ой, точно! – Я вытащила из соседней клетки хорошенького белого крола, как две капли воды смахивающего на бывшего любимца княгини. – Чуть не забыла!

Прижимая к груди пушистый комочек, я перебралась через завал различной, в хлам переломанной рухляди и с самым невинным лицом подошла к княжьей свите. Обмякшая

Зоя сидела на бархатной подушке, одной рукой собственнически опираясь на пепельноволого эльфа, а второй прижимая ко лбу любезно поднесенную лекарем свинцовую примочку. Рядом бинтовали исцарапанного боярышнями Елисея.

– Ты? – устало спросила Зоя, косясь на меня припухшим глазом. – Ты просто недоразумение какое-то, а не княжна!

Эльф встрепенулся и воззрился на меня с непонятным интересом.

Я виновато поклонилась и протянула княгине белого кролика:

– Прими, княгинюшка! Прости, богов ради, не таи зла!

Зоя всплеснула полными руками:

– Ой, да это, никак, мой Пушок? Живой?!

– Живее не бывает! – пряча усмешку, заверила я. – А ну сознавайтесь, бабы, кто пирожки с крольчатинной ел?

Причастных конечно же не нашлось.

– Вот! – внушительно констатировала я. – А мы с Михасем не растерялись, все пирожки собрали да лекарю эльфийскому отнесли. А уж он мясо-то повиковырял, сложил, да и оживил твоего любимца...

– Возможно ли это? – Княгиня залилась слезами облегчения, тиская притихшего кролика.

Услышав придуманную мной ахинею, эльфийский маг ошарашенно вылупил глаза.

«Подтверди!» – жестом приказала я, одним взмахом ресниц многозначительно указывая на валяющееся поодаль полено.

Эльф проследил за моим взглядом, судорожно вздрогнул всем телом и припадочно закивал.

– Пушок! – экзальтированно возликовала княгиня, осыпая крола пылкими поцелуями. – Единственный мой, любимый мой!

Под слоем бинтов обиженно сопел навечно опозоренный княжич Елисей.

Предоставив боярышням самостоятельно транспортировать княгиню в хоромы, прощенная и обласканная, я покинула площадку перед зверинцем, глубокомысленно размышляя о нелогичной связи между глубиной ума и длиной накладных фальшивых волос. Батюшка оказался не прав, линейной связи «короткие волосы – большой ум» я не обнаружила!

Глава 4

Наиболее надежный способ спрятать особо ценную вещь – это конечно же положить ее на самое видное место. Пусть даже и в королевской сокровищнице. Повелитель Рагнарэль отставил в сторону принесенный с собой фонарь, тускло освещавший своды низкого, сухого подземелья. В свете магического огня, слабо пробивающегося сквозь прозрачное стекло, приглушенно поблескивали сундуки с золотыми монетами и ларцы с редкостными артефактами. Надежда и драгоценнейшее сокровище клана Белых. Ведь если разразится война, именно эти амулеты и реликвии спасут сотни жизней. Нет, конечно, скромному хранилищу Эль-сила бесконечно далеко до воистину уникальных раритетов, собранных в Храме Розы, но все-таки королю есть чем гордиться. Взять хотя бы вот этот невзрачный черный жезл, насылающий заклинание, названное «Черным ветром» и несущее в себе силу тысячи ураганов, или вон тот невероятно древний, покрытый ржавчиной кинжал «Лапа дракона». Против его удара не выстоят ни гранитные скалы, ни стены цитадели Ширул-эль-шэн. Бесценные вещицы, каждая из которых имеет свою судьбу и историю. Но, впрочем, сегодня король пришел не за ними...

Владыка привстал на цыпочки и потянулся к ничем не замаскированной неглубокой нише, выбитой под самым сводом пещеры. Кто бы мог предположить, что артефакт хранят вот так запросто, не окружив отрядом свирепых стражников и не обнеся неприступной оградой? Крохотная кожаная шкатулочка стояла на том же самом месте, именно там, куда Рагнар и поставил ее много лет назад. Давно это было... Седые брови короля горестно сошлись на переносице. Палец бережно скользнул по подставке шкатулки, сметая накопившийся слой пыли и будоража почти забытые воспоминания. А ведь он так надеялся, что со временем боль утраты притупится и перестанет терзать полумертвое от горя сердце. Но, вопреки ожиданиям, боль вернулась вновь, накатывая беспощадными волнами удушья и бороздя душу ледяными когтями отчаяния. Давно это было... Король сумел пережить постигшее его несчастье, но навсегда утратил умение улыбаться и беззаботно смеяться, став жестоким и циничным. Королева погибла, а вместе с ней умерла и любовь, несшая в себе смысл жизни. Его прекрасная возлюбленная с фиалковыми глазами, точно такими же, как у их младшего сына, принца Тайлериана. Да-а-а, красотой мальчик пошел в мать...

«Это не предательство, – внушал себе Рагнар, пытаясь поверить в грубый самообман и принять придуманную им же самим ложь, – это всего лишь тонкий политический ход. Я не изменяю твоей памяти, Мелиссандра! Да и может ли жалкая смертная девчонка сравниться с великой королевой Белых эльфов, с моей незабвенной супругой? Пусть даже и дочь Феррис, пусть даже и избранная! Глупости все это...» Король упрямо мотнул головой, одним пальцем подцепил шкатулку, столкнул ее с места и ловко поймал в ладонь. Приблизил сокровище к свету фонаря, ногтем подковырнул чеканный замочек и откинул верхнюю крышку. Они не выглядели слишком дорогими и совершенно не производили впечатления магических артефактов. Первое – выточенное из светлого изумруда, а второе – из темного, почти черного сапфира. Лишенные каких-либо насечек, орнамента и узоров. Просто два ничем не примечательных узких и гладких кольца, каждое из которых имело личное имя: «Душа леса» и «Звезда ночи». Первое из них отображало властную мужскую сущность, второе – потаенные желания капризной женской натуры. Две противоположности, связанные в одно целое. Символы полноценного слияния тела и духа, любви и взаимопонимания. Старинные обручальные кольца, надеваемые на пальцы жениха и невесты перед алтарем богини Аолы в Храме Розы и призванные скрепить брак повелителей. Не только парные украшения, но и могучие артефакты, способные многократно усилить жар взаимного влечения и сделать страсть бессмертной. Кольца, некогда носимые самим Рагнарэлем и его королевой. А теперь владыка

собирался надеть это чудо на палец неведомой человеческой девушки, предназначенной ему судьбой. Рагнар коротко удрученно вздохнул и решительно выхватил кольца из шкатулки. «Душа леса» тоненько звякнуло и словно живое скользнуло на безымянный палец старого эльфа, занимая свое привычное место. Король вздрогнул. По его руке прокатилась волна приятного тепла – второе кольцо тоже понимало, что вскоре обретет новую хозяйку, каким-то неведомым образом ощущало ее характер и всецело соглашалось с выбором короля. Рагнар печально усмехнулся и вышел из хранилища.

Наша жизнь представляет собой не что иное, как хаотическое чередование черных и белых полос, обычно называемых невезением и удачей. Казалось бы, чего проще – присмотрись повнимательнее к действительности, выбери белую полосу да смело иди вдоль нее, ловко балансируя между неблагоприятными поступками и не вступая в сделку с собственной совестью. И кто же мешает нам следовать столь разумному совету? Да чаще всего – мы сами, с нашими дутыми амбициями, надуманными комплексами и любовно выпестованными заблуждениями! Ибо к чему лежит наша чуткая душа, против того восстает противоречивый характер, толкая нас на путь авантюры и приключений. Спокойная, размеренная и безгрешная жизнь – пресна до омерзения, и мало кто из людей или иных разумных существ по доброй воле согласится на подобную банальную участь, опасаясь подохнуть от тоски. «Боги, пошлите мне разнообразие!» – неразумно просим мы, забывая, что длинный язык укорачивает здоровье и прогоняет удачу, а необдуманная борьба за качество жизни пропорционально уменьшает ее продолжительность. При этом мало кто из нас способен извлекать полезный опыт из чужих ошибок, предпочитая совершать свои собственные, с достойным лучшим применением упорством воплощая в жизнь правило: «Кто хочет – ищет способ, кто не хочет – причину!» Ведь мудрость, как верно подметил король Рагнарэль, дается далеко не всем!

Дракон Рэндон не чуждался некоторой толики здоровой, но не слишком фанатичной философии, выработанной самой жизнью, а посему методом проб и ошибок научился-таки ловить за хвост изворотливую госпожу удачу и на судьбу никогда не жаловался. Он проповедовал умеренный эгоизм, при этом никогда не скатываясь в пучину замшелого аскетизма и не склоняясь в сторону жертвенного альтруизма. В общем, он благополучно нашел золотую середину, совместив приятное с полезным. Выбившись в число наиболее уважаемых представителей своего народа, Рэндон со временем организовал процветающий ныне бизнес, выгодно и по любви женился, обзавелся потомством, разбогател и немного заскучал. И это выглядело тоже вполне нормально, потому что, построив дом, посадив дерево и вырастив сына, многие мужчины несколько теряются, утрачивая четкие ориентиры следующей жизненной цели. На почве подобной дезориентации некоторые из них быстро спиваются, а другие, более сильные, увлекаются властью, ударяясь в политику или дипломатию. К счастью, Рэндон принадлежал к числу последних.

По голубому небу плыли легкие белые облака, а пригорок, на котором расположился Рэндон, оказался на редкость удобным, открывая прекрасный вид на зеленевший в низине орешник. Дракон с видом ценителя прищурил выпуклый правый глаз, поднес к морде крупный бриллиант и испытующе взглянул на солнце через рассеивающую призму искусно ограненного камня. Лучи полуденного светила мгновенно раздробились на целый сноп разноцветных объемных пятен, складываясь в причудливую картинку из полупрозрачных кругов, треугольников и звездочек. Картина, образовавшаяся в центре бриллианта, выглядела неправдоподобно притягательной. Рэндон очарованно вздохнул и слегка повернул камень, произвольно смещая калейдоскоп причудливых образов.

– Опять эстетствуешь? – По траве прошуршали легкие шаги. – Получаешь удовольствие от недолговечной красоты?

– Как и от всей жизни в целом! – дружелюбно усмехнулся дракон, убирая бриллиант в нашейный мешочек. – Здравствуй, Тай, рад тебя видеть!

– Меня? – иронично хмыкнул принц, непринужденно присаживаясь рядом с другом. – А каким образом мое вопиющее уродство укладывается в твою теорию гедонистического поклонения красоте?

– О, – крылатый гигант взирал на эльфа снисходительно, сверху вниз, – иногда хорошие люди появляются на свет в весьма странной упаковке.

Тайлериан оглушительно расхохотался.

– С первого дня нашего знакомства ты удивляешь меня своей непоколебимой невозмутимостью и независимостью от бытовой суеты.

– Ну почему же? – не согласился Рэндон. – Я тоже не идеален. Да и к тому же тот, кто не замечает суеты мира, суетен сам... Но суета бывает разной. Вспомним хотя бы женщин... – Дракон выжидающе замолчал, искоса поглядывая на принца лукаво прищуренными глазами.

Тай молчал, устремив к плывущим по небосклону облакам мечтательно-расслабленное лицо. Его длинные пальцы рефлекторно сжимались и разжимались, словно юноша пытался прикоснуться к чему-то невероятно желанному, но столь же невероятно далекому. Дракон деликатно кашлянул. Все-таки он проделал очень длинный путь не только ради возможности полюбоваться красотой юного эльфа, но и ради этого вот непростого разговора. Принц виновато улынулся и прилег на бок, непринужденно опираясь головой на ладонь согнутой в локте руки:

– Ты говорил о женщинах, друг мой. Мне стало интересно, чем же они являются на самом деле, добром или злом?

На покато лбу дракона прорезались морщины глубокого сомнения.

– Скорее всего, они ни то и ни другое. Жуткая смесь всех существующих в нашем мире достоинств и пороков, несовместимых и противоречивых. Что-то совершенно не укладывающееся в слишком примитивные для их описания понятия, такие как просто добро или просто зло. Нечто намного лучшее, чем добро, и гораздо худшее, чем зло.

– Так ты женат! – поняливо хмыкнул Тай, внимательно следя за реакцией друга.

Дракон вздохнул так, словно его застукали за совершением сладчайшего и вместе с тем тяжелейшего из всех грехов. От вырвавшейся из его ноздрей струи воздуха трава пригнулась и жалобно зашелестела.

– Женат. Поэтому на собственном опыте убедился, что в узкой меже, разграничивающей добро и зло, произрастает самая буйная растительность...

– А как же любовь? – торопливо перебил юноша, взволнованно хватаясь за огромный коготь дракона. – Разве не ради нее светит солнце, играют тучки, журчат ручьи и бьются наши сердца?

– Какой же ты неисправимый романтик! – ласково пожурил Рэндон. – Пойми, мужчины всегда хотят уменьшить любовь до размеров примитивного плотского удовольствия, а женщины – увеличить до масштабов необхватного вселенского счастья. Но идеальной любви, которую ты воспевашь в своих прекрасных стихах, в мире просто не существует...

– Не верю! – возмущенно запротестовал принц. – Любовь – есть!

– Ну да, она не может не быть! – грубовато отшутился скептически настроенный дракон. – Из всех известных мне эмоций любовь – самая непостоянная, нуждающаяся в регулярной энергетической подпитке. Вот поэтому она и жрет все что ни попадя. А в первую очередь нас самих! Ты уж поверь мне, дружище. И да упасут тебя Пресветлые боги полюбить настоящему, потому что ничего, кроме горя и разочарования, из этого не выйдет!

– Не верю! – упрямо мотнул локонами принц. – И признаюсь, не ожидал от тебя столь строгой отповеди. Ведь ты же лично принес мне портреты самых завидных невест со всего Антейского материка...

– А-а-а, – мгновенно понял гигант, – выбрал-таки!

– Ну, – принц отвел глаза, – не токмо личной корысти ради. Я радею о благе своего народа!

– Верю-верю, – иронично прогудел дракон, почесывая свой объемистый живот. – Выдуманное оправдание гораздо убедительнее правдивого! Однако совсем меня изжога замучила... – Он покривился.

– Выпей воды с содой, – сердобольно посоветовал эльф, прислушиваясь к урчанию, доносящемуся из недр необъятного драконьего пуза. – А отчего несварение-то?

– Остро переел, – виновато отвернулся дракон. – А ведь сто раз уже зарекался – не жрать рыцарей вместе с мечами и копьями, дюже плохо подобные экзотические блюда на моем старом желудке сказыва...

Не дослушав покаянную драконью исповедь, Тай уткнулся носом в траву и весело заржал.

– И не смешно вовсе! – хмуро буркнул Рэндон, извлек из своего мешочка серебряную человеческую алебарду и с удовольствием поковырялся ею в зубах. С удивлением выплюнул измятый шлем и с облегчением рыгнул.

– Не любишь людей? – заинтересованно спросил принц, разглядывая почти утративший форму кусок железа, все еще носивший следы тонкой уррагской работы.

– А за что мне их любить? – искренне изумился Рэндон. – Нельзя любить того, кто тебя боится.

– А того, кого боишься ты?

– Тоже! – категорично отрезал дракон. – Да и нужно ли?

– Ну-у-у, – задумчиво протянул эльф. – Знаешь, что-то в этом есть, этакое необычное, но весьма притягательное!

– Нет, – уперто гнул свою линию дракон, – это уже извращение! Красота притягивает к себе красоту, добро – добро. Вот ты-то сам наверняка красавицу для себя выбрал?

Тай без лишних слов вытащил из-за пазухи портрет Рогнеды, развернул согнутый в несколько раз листок и протянул его Рэндону. Тот удовлетворенно крикнул.

– А что я говорил! – Он одобрительно постучал когтем по портрету. – Самая прелестная девушка в моей картотеке, княжна Красногорская!

– Привези мне ее! – пылко воскликнул принц, взволнованно прижимая к груди крепко сжатые кулаки. – Все что хочешь за нее отдам – золото, самоцветы... Только привези!

– Ну, – немного смутился летун, – выше установленной цены не заломлю, я же не барыга какой рыночный! Я – профессионал! А посему вижу, крепко тебя скрутило, твое высочество. Что ж я, без понятия, что ли? Да и грех это великий – на страданиях друга наживаться. Так что не грусти, не рви себе душу, сделаем все в лучшем виде, фирма веников не вяжет!

– Обещаешь? – торопясь поймать Рэндона на слове, прищурился принц.

– Даже не сомневайся! – Дракон уселся на массивный зад и гулко хлопнул себя лапой по круглому пузу, принося нерушимую клятву.

– Тебе придется поторопиться, – предостерег его Тай, – вскоре за этой девушкой начнет охотиться целая толпа претендентов на ее руку.

– О-о-о, – весело округлил глаза крылатый торговец, – а может, мне ее с аукциона продать?

Тайлериан показал ему кукиш. Дракон саркастично заржал:

– Да шучу я, шучу! Будет тебя твоя княжна!

Он тяжело протопал несколько шагов – беря разбег, и шумно взлетел, со свистом рассекая воздух огромными кожистыми крыльями. Эльф проводил его сосредоточенным взглядом. Возможно, разумом он и принимал недавние слова умудренного опытом друга, но что-

то – таящееся в глубине романтического и мечтательного сердца – подсказывало принцу, что помимо объективности и здравого смысла в жизни существуют и некие иные чувства, идущие вразрез со всеми логическими обоснованиями. Тай понимал, что спонтанно возникшая любовь всегда намного сложнее и непредсказуемее, чем нам бы того хотелось.

Не разбирающийся в геологических явлениях человек весьма затруднился бы с определением природы странных процессов, приведших к возникновению Хрустальной долины. Уж слишком противоестественной она выглядела. Два высоких горных склона, плавно сходящиеся под идеально равными углами и образующие ровный как стрела коридор, заканчивающийся круглой площадкой, на которой и возвышался Храм Розы. Здесь не росли деревья или кустарники, здесь не порхали бабочки и не щебетали птицы. Лишь полуденные солнечные лучи, огненным заревом стекавшие по обрывам Старшей и Младшей сестры, дробились на тысячи крохотных светлячков, образуя потрясающую симфонию тишины и цвета. От этого места веяло мудростью веков, жуткой таинственностью и лениво дремлющей силой. Сам же Храм на самом деле являлся не просто строением, а крупнейшей точкой пересечения трех артерий, пронизывающих недра Антеи и Ундоры, – порталов Света, Тьмы и Оружия. Ходили слухи, что попавшее внутрь Храма существо получает возможность не только пересечь реальное земное измерение, но и вступить на другие грани бытия, имеющие как пространственную, так и временную характеристику. Именно в Храме брали свое начало Нижний уровень – место обитания демонов, и Радужный – владения богов. В святилище хранились уникальные артефакты, созданные руками Великих Творцов этого мира, позволяющие обрести власть над Обителью затерянных душ – колыбелью богов. А впрочем, мало ли еще чего странного рассказывали о Хрустальной долине. Но так или иначе, а переступить через порог Храма удавалось не многим.

Владыка Халлагизель недовольно отодвинул грудой рукописей и грязно выругался. В последние несколько дней он буквально поселился в библиотеке, безвылазно штудировав старинные манускрипты и свитки. Голова пухла от обилия почерпнутых знаний, оказавшихся, безусловно, поучительными, но все-таки не способными помочь в осуществлении задуманной королю хитрости. Поэтому Хал небрежно сбросил книги на пол и разочарованно грохнул по столу своим пудовым кулаком, призывая тысячи проклятий на голову замшелого, выжившего из ума противника, сумевшего обойти Синего в этой запутанной истории со сватовством к красногорской княжне. Ситуация казалась безвыходной. Повелитель Синих был женат, а его единственный законнорожденный сын принц Шеарран едва вышел из младенческого возраста. Конечно, можно попытаться избавиться от жены и... Нет, слишком рискованно! Розалинда происходит из могущественной и многочисленной семьи, и ее внезапная смерть способна сильно пошатнуть положение короля, совершенно не заинтересованного в развязывании новой внутриклановой междоусобицы. Халлагизель громко скрипнул зубами, почти готовый впасть в отчаяние.

– Ваше величество уже прочли все эти книги? – Робкий, дребезжащий голос вывел короля из состояния мрачной задумчивости.

– Убери их на место! – раздраженно рыкнул Хал, до глубины души возмущенный тем, что кто-то без разрешения вошел в комнату и осмелился столь бесцеремонно нарушить его монаршее уединение. – Все это ерунда!

– Ваше величество правы. – От стены библиотеки отделился худощавый, невысокий силуэт, более смахивающий на тень. – Великая мудрость никогда не хранится на поверхности, и достичь ее суждено лишь самым достойным!

Король вздрогнул как от удара, уловив в словах дерзкого незнакомца язвительный намек на свое скудоумие.

– Да как ты смеешь, ничтожество?! – взбешенно заорал он. – Я прикажу вырвать твой поганый язык, а самого тебя отдать на съедение драконам Ундоры...

– Пощадите, ваше величество! – Тень бросилась на колени и униженно поползла к креслу короля, вымаливая прощение. – Я не имел намерения оскорбить, я хотел предложить помощь! – Костлявые пальцы вцепились в подол подбитой мехом мантии.

Халлагизель немного успокоился, протянул руку и приподнял заискивающе склоненный подбородок, цепко всматриваясь в незнакомое лицо. Но низко надвинутый капюшон позволял увидеть не многое. Хал растерянно фыркнул.

– Я никогда не встречал тебя раньше, – вынужденно признал король. – Кто ты такой?

Существо робко поднялось на ноги, откидывая полы заношенного коричневого плаща, сшитого из грубой, сильно обветшавшей материи.

– Я библиотекарь и хранитель государственного архива! – незнакомец вежливо поклонился. – Гедрон лла-Аррастиг!

– Я знаю Аррастигов! – потрясенно воскликнул король. – Это одна из влиятельнейших семей нашего клана. Почему ты оказался здесь, лла-Арр?

– Взгляните на меня, ваше величество, – настоятельно попросил Гедрон, приближая свечу к своему лицу, до этого остававшемуся в тени, – и вы все поймете сами!

Король всмотрелся в лицо библиотекаря и содрогнулся от омерзения...

Древняя мудрость гласит: «Хочешь мира – готовься к войне!», и, возможно, Синие всегда держали ее в своем сердце, исподволь догадываясь о поджидавшем их беспокойном и нестабильном будущем. Синие, но не Белые. Существует старинная легенда, выбитая на огромной гранитной плите, установленной у входа в Хрустальную долину. Много сотен лет назад все эльфы жили единым сильным народом, еще не разделенным на два настороженно относящихся друг к другу клана. Но потом у первого из эльфийских владык родились сыновья-близнецы, неотличимые один от другого ни статью, ни повадками. И мудрый отец, не желавший, чтобы между братьями возникла вражда, разделил пополам принадлежавшие ему земли, сделав одного из сыновей владыкой Старшей сестры, а второго – Младшей. Молодые правители с радостью подчинились столь справедливому решению и, не собираясь хоть в чем-то уступать соседу, рьяно взялись за мирное соперничество, наперегонки благоустривая доставшиеся им горы. Так возникли кланы. Эльфы строили города, устанавливали контакты с племенами орков и даже сумели расположить к себе людей, научив их ремеслам, магии и лекарскому искусству, щедро подтверждая славу Первой расы. Смешав кровь с орками, эльфы образовали новый народ – сильфов, ставших преданными друзьями клана Белой розы. Но с тех пор минуло больше трех тысяч лет. Если вдуматься – не слишком-то продолжительный период времени для бессмертного народа, но, увы, слишком губительный для любви и дружбы. Братские чувства, некогда связывающие два клана, давно канули в прошлое. Ныне между ними существовали лишь мнительная настороженность и едва сдерживаемая враждебность. Возможно, Синие оказались куда расторопнее и дальновиднее. Их величественный город – многоярусный Ширул-эль-шэн, с каждым годом достраиваемый и укрепляемый, постепенно превратился в неприступную цитадель, окруженную засеянными пшеницей полями. Очень мудрое, со стратегической позиции, положение. Воинственные и несдержанные в проявлении гнева Синие вложили много сил и средств в создание регулярной армии, заметно превосходящей скромные резервы соседей. Белые же, всегда тяготевшие к науке и искусству, построили свой город в центре обширного соснового бора, предпочитая посвятить себя разведению пчел, торговле медом, изготовлению душистых лечебных настоек и изысканных вин. Они мечтали о мире...

Король Рагнарэль торжественно натянул длинные холщовые рукавицы и аккуратно вынул из улья тяжелую рамку с сотами. Принюхался и восхищенно вздохнул. Эта пасека

строилась по соседству с розарием, и целое лето трудолюбивые пчелы собирали густой, сладкий, будто патока, нектар, непрерывно скапливающийся в сердцевинках белоснежных розовых бутонов. Поэтому выработанный пчелами мед пах так упоительно, что у старого эльфа закружилась голова и во рту непроизвольно начала скапливаться слюна, вызывая непреодолимое желание отведать божественное лакомство. А уж какое из этого меда делали вино! Сидящий на стульчике мальчик-паж тихонько покачивался в такт успокаивающему пению свирели, сам почти убаюканный исполняемой им мелодией. Пчелы с сонным жужжанием вились вокруг короля, иногда опускаясь на руки и голову, но не жаля. В их снисходительном гудении слышалось дружеское приветствие и вполне понятная гордость хозяев, делящихся с гостем самым дорогим и сокровенным. Рой полностью доверял королю, привыкнув к тому, что с наступлением затяжных осенних дождей эльфы, неизменно выполняя свою часть давнего уговора, накроют ульи теплыми колпаками и помогут пчелам пережить пусть и не очень холодную, но все-таки крайне неприятную для них зиму. Рой тоже не стремился к войне с эльфами, предпочитая извлекать явную пользу из столь выгодного для них сотрудничества.

«Жаль, что Синие оказались куда глупее насекомых!» – печально подумал король, с трудом наклоняясь, поднимая выпавшую из рук окончательно уснувшего мальчика свирель и мягко опуская ее ему на колени. Он аккуратно срезал кусок сот, большую их часть оставляя пчелиной семье, и вернул рамку обратно в улей. Бережно закрыл крышку красивого деревянного домика, вслух поблагодарил пчелиную матку за угощение и осторожно высвободил из своей седой бороды запутавшегося в ней трутня. Насекомое миролюбиво загудело. Рагнар постоял еще мгновение, отрешенно разглядывая копошившегося на его ладони мохнатого толстячка, а потом посадил трутня на полочку перед входом в улей, забавляясь его неторопливой важностью. Трутень гордо продефилировал по гладко обструганной дощечке, а затем благодарно взмахнул прозрачными крылышками и неторопливо скрылся в домике. «Не иначе как отправился отчитываться перед своей королевой!» – насмешливо подумал эльф.

Чуть прихрамывая на правую ногу и осторожно неся на вытянутых руках глиняную миску, доверху наполненную золотистыми, сочащимися медом сотами, он прошел в глубь сада и достиг простого кленового стола со вкопанными рядом с ним лавками. На столе лежал пышный каравай упоительно благоухающего, свежее испеченного белого хлеба и стоял высокий, запотевший кувшин с холодным молоком. Высокий пепельноволосый юноша, радующий взор цветущей красотой румяного лица и тонкостью стройного стана, бросил раскладывать льняные салфетки и принял из рук короля тяжелую миску со щедрыми дарами пчелиной королевы.

– Дядюшка, – он взглянул на старика с любящей укоризной, упрекая за обременительные хлопоты, – зачем ты ходил к улью? Я мог бы и сам принести тебе меду.

– Мой дорогой племянник, уважаемый лорд Денириэль, – престарый повелитель с кряхтением оперся на предложенную молодую руку, хворо заковылял, а после – облегченно вздохнул, опустившись на лавку и удобно пристроив большое колено на мягкую подушку, – не ворчи на старика. Мне нравится наблюдать за пчелами, у них есть чему поучиться...

– И чему же? – улыбнулся племянник, намазывая медом ломоть хлеба и подавая его королю. Он разлил по кружкам молоко и уселся напротив, взирая на старика с искренней заботой.

Рагнарэль благодарно откусил от ломтя и прижмурился от удовольствия:

– Насекомые гораздо умнее людей, эльфов, да и вообще кого бы то ни было. Они работают, размножаются, рождаются и умирают, они даже воюют. Но при этом никогда не тратят свою жизнь на никому не нужные ссоры, месть и оскорбления...

Денириэль согласно улыбнулся, прекрасно понимая, на кого намекает король.

Владыка неловко повернулся, охнул и схватился за колено. Племянник мгновенно вскочил:

– Дядя, можно, я позову лекаря или придворного мага?

Король отрицательно покачал головой:

– От моей болезни нет лекарства, потому что она называется старостью. Скоро я умру...

Брови прекрасного Денириэля удивленно поползли вверх.

– Но ведь эльфы не умирают!

– Умирают все, – поучительно усмехнулся король. – И нечего тут на лекарей пенять.

Они честно выполняют свою работу, не позволяя нам умирать здоровыми... И в этом состоит скорбная правда жизни!

– Правду изобрели маньяки, – недовольно парировал молодой эльф. – Она колет глаза и режет уши.

Король одобрительно похлопал племянника по руке:

– О, чувствуется стиль и слог моего младшего сына. Его категоричный цинизм.

Денириэль, пребывавший с принцем Таем в самых дружеских отношениях, скромно потупил глаза.

– Послушай, Дени... – Король притянул к себе голову племянника и, глядя в его умные глаза, зашептал с подкупающей доверительностью: – Мне нужна твоя помощь.

– Я готов послужить своему народу! – ошарашенно встрепенулся Денириэль, догадавшись, что король намерен поручить ему чрезвычайно важную и щекотливую миссию.

– Оба моих старших сына уже женаты, – медленно начал король. По его лицу стало заметно, что этот разговор не доставляет пожилому повелителю ни малейшего удовольствия. – А Тай...

– Принц не дурак! – преданно вступился Дени за лучшего друга.

– Не дурак, – согласно вздохнул владыка, – но любит притворяться не слишком обязательным и является чрезвычайно легкомысленным субъектом, к тому же обладающим тонкой поэтической натурой. Во всяком случае, многие в нашем клане считают Тайлериана... – Рагнар умолк и выразительно покрутил пальцем у виска. – А сила дурака как раз и состоит в том, что умный перед ним бессилён. Поэтому на принца лучше не рассчитывать, его реакция абсолютно непредсказуема...

– И?... – Дени не понимал, чего от него хотят.

– Ты, как член королевской семьи, возглавишь делегацию, направляющуюся в Красногорье. Выступая от моего имени, ты заключишь с тамошним правителем договор о дружбе и взаимопомощи, а также сосватаешь за меня дочь князя, княжну Рогнеду. Сумей расположить к нам людей, обитающих в тех местах. Пускай они буквально влюбятся во все эльфийское и станут нашими верными союзниками.

– А если княжна не захочет выйти за вас замуж? – осмелился заикнуться Денириэль.

Король старчески затряс головой и брюзгливо заворчал:

– Меня не интересуют возвышенные чувства девицы. Мне также совершенно безразличны ее внешние данные или душевные качества и недостатки, ее вкусы и привычки. Она просто обязана стать моей женой. Если княжна откажется, то договорись с ее отцом и привези девушку силой.

– Но... – начал оторопелый юноша, но король не желал выслушивать советы или возражения.

– Вот это, – он достал из кармана тоненькое, скромно-неприглядное колечко, казалось выточенное из черно-дымчатого стекла, – величайшая святыня нашего народа...

– «Звезда ночи»! – догадливо ахнул Дени, не решаясь притронуться к волшебному амулету.

– Да, это она, – подтвердил Рагнар, поглаживая седую бороду. – После того как договоренность с князем окажется достигнута, ты от моего имени проведешь символический обряд обручения и наденешь кольцо на палец княжны. Эта церемония возведет ее в ранг моей официальной супруги и властительницы всех Белых эльфов. Второе же кольцо, – владыка вытянул кисть, демонстрируя «Душу леса», плотно сидящее на его безымянном пальце, – уже заняло положенное ему место. Ты, любезный мой племянник, воздашь своей новой госпоже все почести и окажешь знаки уважения, полагающиеся нашей королеве! А потом привезешь молодую королеву сюда, ко мне, в Эль-силь. И мы станем ждать, чем же обернется для нас пророчество Логрина...

– Слушаюсь и повинуюсь! – Дени низко поклонился. – У меня уже возникли интересные идеи по поводу увеселения князя и завоевания симпатии жителей Красногорья.

– Отлично! – милостиво похвалил король, по-родственному обнимая племянника за плечи. – Я знал, что ты меня не разочаруешь! Иди собирай свиту. Да смотри, не жалея золота и драгоценных камней. Князь должен убедиться в том, что лучшая партия для его дочки уже не представится.

Взволнованный предстоящим путешествием, Дени опрометью бросился во дворец, на бегу нетерпеливо скликая слуг и приближенных дворян. Рагнар с доброй усмешкой смотрел ему вслед, гадая, не допустил ли он рискованную оплошность, поручив столь сложное предприятие молодому и пылкому юноше. Но с другой стороны, разве не произведет этот элегантный красавец самое благоприятное впечатление на юную и доверчивую девушку? Ведь, по мнению короля, любая девица на выданье просто обязана быть донельзя наивной, глуповатой и восторженной простушкой. Впрочем, подобную ошибку мог совершить любой повелитель, лично не знакомый с княжной Рогнедой!

Поднатужившись и кое-как вырвав Михася из тесных объятий зашуганного крокодила, форсированно хапнувшего явно избыточную дозу адреналина, я чуть ли не пинками погнала пребывающего в глубочайшем шоке оруженосца через взволнованно гомонящую площадь. Зеваки, упоенно кучковавшиеся вокруг обломков зверинца, развлекались вовсю, наперебой высказывая самые неправдоподобные версии, по их мнению, вполне объясняющие произошедшее ранее. Представляю, как завтра на базаре наша сарафанная сводка новостей заработает! В центре всеобщего внимания немедленно оказался замотанный до состояния намбудийской мумии княжич Елисей, торжественно вынесенный на носилках и тут же окруженный всхлипывающими бабами. Тоже мне, нашли по кому убиваться! Ну как же – краса ведь и надежда наша! Кто-то сдуру крикнул, что из эльфийского зверинца, дескать, вырвался огромный дракон, чуть не сожравший княгиню Зою. А княжич, как и положено былинному добру молодцу, не струхнул и встал на защиту слабой женщины, аки один из братьев богини Аолы, не щадя живота своего. Услышав последнее, Елисей раскорячился на носилках в самой героической позе, начиная подозревать, что конфуз с боярышнями через денек-другой приобретет совсем другую интерпретацию и еще обратится ему на пользу. Эльфы благоразумно молчали. Похоже, они стали единственными из всей собравшейся на площади толпы, не считая меня, конечно, сумевшими понять, что княгиня не у всякого дракона в пасти поместится, а злополучному земноводному и вообще от их нечаянной встречи сразу не светило ничего хорошего. Уловив эпитет «слабая женщина», адресованный княгине, я прикусила губу, давась едва сдерживаемым хохотом. А несчастный крокодил выполз из соломы и попытался собственными лапами изнутри запереть изрядно покореженную клетку. Повстречаться с сей «слабой женщиной» повторно ему явно не хотелось!

Решив, что приключений с меня на сегодня достаточно, я подхватила под руку пунктирно передвигающегося Михася и, прикрывая лицо воротником кафтана, продуманно, короткими перебежками, отступила за временно опустевший театральный шатер. Во-пер-

вых, я опасалась, что меня, не ровен час, опознает кто-нибудь из конных дружинников, а во-вторых, начинала ощущать, что прыщ на носу ускоренно перешел в фазу бурной вулканической деятельности, вот-вот грозя разразиться спонтанным извержением. Ну и кроме того, меня почему-то сильно насторожил неприкрытый интерес, проявляемый пепельноволосым эльфом к моей прыщавой персоне. На мое счастье, в красавчика намертво вцепилась княгиня, а уж хватка у нее, даже не сомневайтесь, будет куда покрепче крокодилей.

Мы с Михасем добрались до бортика пивного фонтанчика и уселись на краешек, разглядывая оберточные бумажки из-под вяленых лещей, обильно устилавшие землю. Мой конопатый философ по инерции зачерпнул горсть влаги, намереваясь умыться, глотнул и закашлялся:

– Вот ведь г-г-гадость какая! И зачем эльфы фонтан испоганили?

– А они хотели как лучше, но получилось как всегда! – ехидно хохотнула я. – Впрочем, в качестве рекламного хода потянет. Но гости не учли главного – любовь к халяве у красногорцев неистребима, а поэтому запасы пива у эльфов быстро иссякнут! Наши дураки скорее до смерти упьются, но от фонтана по собственной воле все равно не отойдут.

– Слушай, княжна, почему умных так мало, а дураков – много? – почти риторически спросил оруженосец, утираясь рукавом.

– Ну, наверное, потому, что, пока умные думают, дураки размножаются! – пожала плечами я. – Другого объяснения придумать не могу.

– Ишь как оно все мудрено! – Михась забавно сморщился, приводя свои конопушки в интересный беспорядок. – Ты рассуждаешь почти как давешний эльфийский лекарь, назвавший подобные спорные утверждения каким-то странным словом. Дядямогией, кажется!

– Демагогией! – улыбнулась я. – Кстати, если ты уже отошел от общения с крокодилом, то моему носу тоже не терпится взглянуть на этого ученого лекаря.

– Так за чем же дело стало? – от всей души удивился Михась и, щедро окропляя меня пивными брызгами, махнул мокрым рукавом в сторону темного неброского шатра, притаившегося в тени развесистой березы. – Вот он, по соседству туточки!

Я поспешно вскочила с бортика фонтана, оправила кафтан и поддержала сложившиеся в гармошку голенища сапог. Выглядеть распустехой мне не хотелось, потому что каким-то шестым чувством я поняла – в этом непритязательном шатре меня ожидает встреча с самой судьбой!

Король Халлагизель брезгливо оттопырил пухлую нижнюю губу и икнул от неожиданности. Библиотекарь печально усмехнулся и поспешно отступил назад, в густую полумглу, скапливающуюся у стены комнаты. Повелитель откинулся на спинку кресла, размышляя о том, что видение этого ужасного лица наверняка станет преследовать его всю оставшуюся жизнь, отравляя аппетит и прогоняя ночной сон. Подобная отталкивающая образина ничуть не подходила представителю благородного рода лла-Аррастигов, бросая порочащее пятно на весь королевский двор... И не особо умный Хал уже собирался позвать стражу, чтобы избавить дворец от сего ужасающего убожества, как странный урод, по какому-то недосмотру судьбы случайно ставший его библиотекарем, вдруг спокойно уселся напротив короля, непринужденно закинул ногу на ногу и заговорил:

– До того как поселиться во дворце вашего величества, я занимал пост второго жреца Аолы в Храме Розы и являлся самым близким помощником великого Логрина...

Король сдавленно охнул и поперхнулся негодующим криком, так и не сорвавшимся с его уст. Он с каким-то новым ощущением, скорее страха, чем отвращения, повторно оглядел нахально развалившегося перед ним библиотекаря.

– А не слишком ли ты обнаглел, дружок? – нерешительно протянул он. – Я запросто могу приказать казнить тебя сей же час!

– Не прикажете! – уверенно усмехнулся Гедрон. – Я проверял вас, ваше величество. Главнейшая черта вашего характера – честолюбие, что в короле весьма и весьма похвально. Превыше всего вы цените раболепие и преклонение перед вашим титулом. Поэтому сейчас я скажу вам нечто такое, после чего вы не только откажетесь от идеи умертвить меня немедленно, но и назначите своим первым советником!

– Ну-ну... – недоверчиво проворчал король, почти впавший в ступор от столь беспримерной наглости.

Гедрон крепко сплел свои кривые, похожие на паучьи лапки пальцы и обхватил ими колени. Ужасное лицо приблизилось к королю, обдавая кислым запахом несвежего дыхания. Бугристые синюшные губы растянулись в довольной улыбке, обнажая гнилые пеньки, оставшиеся от выбитых зубов. Король вздрогнул, но не смог отодвинуться, загипнотизированный блеском холодных черных глаз, яркими звездами сиявших среди сизо-багровых ожоговых рубцов и шрамов. Этот эльф, выглядевший так, словно его вниз головой окунули в пекло Нижнего уровня, пугал Халлагизеля почти до заикания. Но и притягивал не меньше...

Бывший жрец власть натешился произведенным на короля впечатлением и продолжил жарким шепотом:

– Но однажды я возмечтал стать первым у алтаря богини и захотел сместить Логрина. А для этого мне понадобились знания. Я воспользовался хранимыми в Храме артефактами, которые подчиняются лишь воле избранных – посвященных в тайны Великих Творцов, и отправился на Радужный уровень. Именно там находятся источники с живой и мертвой водой, способной оживлять плоть и убивать душу. Я успешно прошел через порталы и попал в обиталище богов. Но, увы, бдительные ингвы и грифоны, стражи Галереи трех порталов, догнали меня и сбросили в Озеро живого огня. Я спасся лишь чудом, навсегда утратив присущую эльфам красоту. Дорога к источнику живой воды осталась для меня недостижимой, но зато я сумел вынести с Радужного уровня склянку с мертвой водой. Смотрите, ваше величество... – Библиотекарь извлек из складок своего залатанного одеяния небольшой флакончик, до краев наполненный маслянистой темной жижей и плотно запечатанный.

Король зачарованно тарашился на склянку, ощущая исходящее от нее холодное дуновение смерти.

– И зачем мне эта мерзость? – высокомерно поинтересовался он.

– О-о-о, – снисходительно усмехнулся Гедрон, – я знаю, что вы не просто так штудировали древние манускрипты. Вы искали что-нибудь непознанное, способное устранить короля Рагнарэля и всех его отпрысков. Я помогу вам. Белые очень любят читать и превыше всего в мире ценят хорошие книги. В моих архивах имеется редчайший трактат о войне, по преданию, написанный самими Великими Демиургами. Я подкину этот раритет во дворец Эль-сила, но перед этим пропитаю его страницы мертвой водой. Ручаюсь головой, король Рагнар и его сыновья не устоят перед искушением и не отрываясь прочитают редчайшую книгу. Но тот, кто прикоснется к отравленным страницам, умрет в течение трех дней, причем самые искусные маги и лекари окажутся не в силах создать спасительное противоядие...

Не дослушав коварного библиотекаря, король Хал восторженно хлопнул в ладоши:

– Великолепный план! Если все произойдет так, как ты задумал, я действительно дарю тебе титул своего первого советника. Но уверен ли ты в результате?

– Уверен! – Гедрон злобно ухмыльнулся. – Все предрешено! А кроме того, я знаю громадное множество других полезных для королевства тайн и сумею еще не раз верой и правдой послужить вашему величеству!

Халлагизель снисходительно потрепал по плечу своего свежееиспеченного советника, стараясь не касаться его ужасных рук или изуродованного лица. На губах короля блуждала мечтательная улыбка. Теперь он отчетливо осознавал, что час победы Синего клана близится!

Глава 5

Признаюсь – не везет мне хронически. Причем не везет не просто так, а чаще всего серьезно и основательно, с такими катастрофическими, печально-долгоиграющими последствиями. Всевозможные неприятности, досадные недоразумения и прискорбные случайности так и липнут ко мне, словно блохи к нашей дворовой шавке Жучке. Хотя, если разобраться, каждая случайность по сути является внезапно наступившей неизбежностью и всегда имеет свои объективные и закономерные предпосылки. Нужно ли добавлять, что по причине наличия весьма своеобразной психики и нестабильного эмоционального фона женщинам от жизни достается гораздо больше неприятностей, синяков и шишек, чем мужчинам? Михася можно в эту скорбную статистику не включать ввиду его застарелой детской психотравмы и целого набора неизлечимых комплексов. Меня же при дворе нашего державного князя-батюшки давно уже перестали считать девкой, но и к парням причислить отчего-то не торопились. Подозреваю, что в моем лице матушка-природа наконец-то изобрела некий нездоровый компромисс между непробиваемой женской антилогикой и несгибаемой мужской самоуверенностью, поэтому результат получился самым что ни на есть непредсказуемым, аукающимся мне при каждом мало-мальски удобном случае!

Что касается спровоцированных мною же самой предпосылок, то они регулярно имеют место быть и всегда служат предупредительным звоночком тревоги, который я неизменно слышу, но к которому почему-то никогда не прислушиваюсь. А вот почему – гоблин его знает!

Показательным в этом отношении стал громкий конфуз, произошедший с участием меня, волхва Никодима, вонючего козла Оськи и самодержца нашего, князя-батюшки Елизара. Следует добавить, что я и до этого знаменательного события не питала должного пиетета к блудливому и трусоватому служителю Аолы, похотливому, будто племенной бык, и прославившемуся на весь Берестянк своими скандальными любовными похождениями. Причем это ничуть не мешало Никодиму строить благочинно-постную рожу и на каждом торжественном богослужении грозно клеймить наших столичных прелюбодеев и прелюбодеек всех мастей и ранжиров, призывая на их беспутные головы праведный гнев богини. Терпеть не могу лицемеров!

На этот раз объектом воздыханий дородного волхва стала малолетняя Стася, дочка княжеской поварахи Ефросинии. В свои неполные четырнадцать Стаська выглядела налитым краснобоким яблочком, этакая соблазнительная милашка, вся из себя будьте-нате и хорошенькая, ну прямо спасу нет. При виде красотки Никодим неизменно ржал стоялым жеребцом и резво бил копытами, призывно болтая золотым знаком Аолы – пятиконечной звездой, висевшей на толстенной цепи у него на шее и постоянно скатывающейся вправо или влево с откормленного чрева, выпирающего не хуже чем живот у беременной бабы. Как волхв умудрялся преуспевать в постельных баталиях, для меня навсегда так и осталось неразрешимой загадкой, потому что при столь внушительных телесах Никодим должен был видеть свой детородный орган лишь с помощью серебряного офирского зеркала, да и то при условии, что зеркало окажется подходящего размера. Но поскольку слухи о подвигах Никодима ходили поистине легендарные, то приходилось смириться с фактами, которые, как известно, и топором не вырубешь, да признать: наш божий человек – это что-то с чем-то! Малышку же Стасю волхв допек основательно, и она, будучи, по меткому определению моих братьев, еще «несовращеннолетней», однажды пала мне в ноги, заливаясь слезами и жалуясь на грязные приставания первосвященника-педофила.

Я тут же воспылала праведным гневом и не только обещала помочь несчастной жертве грязного сексуального домогательства, но и поклялась примерно проучить пожилого сла-

столюбца, к несчастью, напрочь забывая о своем вошедшем в привычку невезении. И так, я велела Стаське завлечь волхва на сеновал и начала готовить грандиозное разоблачение, попутно (и сама того не желая) создавая предпосылки для возникновения очередной дурацкой случайности. Предостерегающие звончки звонили всюду, уподобляясь колокольному набату, но их не слушала. И, как оказалось, зря! Я легкомысленно не учла того факта, что своенравное везение почему-то не всегда оказывается на стороне тех, кто преследует благую цель, с пеной у рта отстаивая правду и справедливость.

Выражаясь конкретно, я намеревалась обставить всю сцену так, чтобы мой батюшка словно ненароком застукал уважаемого волхва на месте преступления, то бишь на Стасе, и в полной мере излил бы на него свое монаршее негодование. При этом требовалось пораскинуть мозгами и заманить самодержца на сеновал по какому-то совершенно нейтральному поводу. В качестве декорации мы выбрали сарай княжеского тиуна⁶ Тимофея, славившегося на всю столицу своей рачительностью и гениальной хозяйственной смекалкой. Прослышав, что тиун выпросил у князя воз сгнивших по дороге бананов, входивший в длинный обоз канагерийской делегации, в то самое время гостившей в Берестянке, я напела батюшке, что умник Тимофей приспособился кормить негодными бананами своих коров, дающих на фоне такой заморской диеты неслыханно рекордные надои. Для пущего правдоподобия я загодя разбросала банановые шкурки по тиунскому сараю и села в засаду, поджидать прибытия князя, сильно заинтересовавшегося сим новаторским подходом к животрепещущим проблемам отечественного скотоводства. Того, что батюшка притащит за компанию еще и чернокожих гостей из жаркого Канагера, я в тот момент даже не предполагала.

Подговоренная мною Стаська, целую неделю бесстыдно строившая волхву глазки и доведшая его до состояния тихого помешательства на почве нереализованного инстинкта размножения, послушно забралась на чердак сеника, разделась догола и в томной позе растянулась на ароматной, свежескошенной траве, поджидая распаленного воздержанием возлюбленного. Кроме того, опять же по моему наущению, девчонка заранее напела Никодиму о своей девичьей жажде романтики и уговорила его устроить не просто обычный акт совокупления, а провести модную ныне в столице костюмированную игру. Услышав предложенный сценарий необычного эротического действия, озабоченный волхв возбудился не на шутку. По моему замыслу, Стаська должна была изображать похищенную чернокнижниками королеву, запертую на вершине неприступной башни, а Никодим – великого святого, спасающего благодарную красавицу и изгоняющего из нее злого духа. В чем заключался сам акт изгнания – понятно и без комментариев. Волхв, всегда выставляющий себя поборником сил Света и ратующий за борьбу с Тьмой, согласился с восторгом. Для пущего антуражу Стаська презентовала возлюбленному необъятный черный плащ, сплошь украшенный знаками богини Аолы, который Никодиму полагалось вздеть на голое тело, не обременяя себя рясой и исподним. И этот жест также пришелся по вкусу нашему герою-любовнику, милостиво избавленному от заморачивания с раздеванием и одеванием. А чтобы спасти девицу от реального ущерба ее чести и достоинству, мы затащили на сеновал дворового козла Оську, зело резвого и бодливого, как самый злобный демон. Козла намазали святащейся краской, талантливо изобразив на его вонючей шкуре череп с костями, и укутали мешковиной, поручив мне выпустить его в самый подходящий момент. Обсудив детали и малость прорепетировав, мы начали свою игру, даже не подозревая о сюрпризах, приготовленных нам коварным невезением!

Казалось бы, все происходящее вокруг вполне благоприятствовало успешной реализации нашего хитроумного замысла. Вечерело. Солнце плавно скатывалось к неровной линии

⁶ Здесь: домоуправитель и советник по хозяйственным вопросам.

горизонта, постепенно окрашивая небо в лирические, бледно-фиолетовые тона. С сенокоса возвращались невменяемо усталые косари, мечтавшие о миске наваристого свекольника со сметаной, кружке холодного пива и теплой бабе под боком. Романтично звенели комары, заставляя обнаженную Стаську то и дело хлопать себя по ядерной ляжке и изрекать некие грубые слова, весьма слабо вписывающиеся в сцену мелодраматического любовного свидания.

– Молчи! – сердито шипела я, почти задыхаясь от близости благоухающего мускусом козла.

Подлый Оська сдавленно мекал сквозь забитый ему в пасть кукурузный початок и пребольно лягался, пытаясь сбросить душный мешок.

– Так ведь кусаются же! – таким же недовольным шепотом виновато оправдывалась Стаська, грациозно почесывая в подмышке и томно сморкаясь.

– Терпи! – в свою очередь огрызалась я. – Мне тоже несладко!

По моим подсчетам, все складывалось более чем удачно. Никодим должен прибыть с минуты на минуту, да и батюшка-князь уже где-то на подходе. И в этот самый момент щекотла сарая тихонько приподнялась. Через порог перешагнула грузная фигура волхва, до пят укутанная в эксклюзивный плащ.

– Ты здесь, радость моя? – спросил сопящий и тяжело отдувающийся Никодим, не привыкший к дальним пешим прогулкам. – Это я, твой герой, твой черный плащик!

– Здесь! – в голос возопила до полусмерти заеденная комарами королева, в данную минуту совершенно позабывшая о надвигающейся угрозе своему девству и имевшая единственное страстное желание – побыстрее избавиться от домогательств настырных кровососов. – Иди же ко мне скорее!

Никодим засопел еще громче и растерянно огляделся в поисках лестницы, ведущей на сенник. Лестница отсутствовала.

Я озаренно хлопнула себя по лбу и тихонько выругалась. Ну надо же, какая невезуха! К гадалке не ходи, и так все яснее ясного – лестницу унес наш старательный подельник Михась, ...цать минут назад подсаживавший на сеновал меня, Стаську и козла. Конопатый оруженосец всегда отличался самым закоренелым педантизмом и имел вымуштрованную привычку все ставить на свои места.

Никодим приуныл.

– Да как же идти-то? – с обидой на судьбу озадачился он, нервно теребя плащ.

Не стоит во всем винить Стаську, доведенную комарами почти до истерики. Ведь ко мне, напуганные козлиной вонью, они и на метр не приблизились, зато с остервенением набросились на молодое, призывно оголенное тело.

– Ой, моченьки моей больше нет, щаз умру! – знойно взывала до волдырей искусанная Стаська, ужом вертясь на завлекательно шелестящем сене. – Сил не осталось терпеть!

Услышав подобное откровенное признание, Никодим принял его на свой счет и бурно возликовал. Предвкушая, какие неземные блаженства ожидают его наверху, он споро отбросил за плечи широкий плащ и, эротично посверкивая голыми ягодицами, схватил корзину, водрузил на нее ведро, потом ящик, а затем еще какой-то подвернувшийся под руку хозяйственный скарб. Торопливо составив неустойчивую импровизированную лесенку, волхв начал бодро карабкаться наверх, подбадривая стонущую и повизгивающую Стасю воплями о приближающемся спасении. Между тем злые духи (сиречь комары) доставали королеву все пуще, извлекая из ее горла поистине невероятные рулады. Толстая рука волхва уже показала над краем сенника, как неожиданно шаткая конструкция предупредительно скрипнула, качнулась и рассыпалась, словно карточный домик. Никодим обреченно взвыл, ощутив, что летит, а плащ за его плечами неожиданно распаивается и наполняется тугими потоками свистящего в ушах воздуха...

То, что произошло дальше, запечатлелось в моей памяти навсегда!

Дверь сарая широко распахнулась, и в него торжественно вступил не совсем трезвый батюшка, дипломатично пропуская вперед двух монументальных, угольно-лоснящихся канагерийских послов. В тот же миг их барабанные перепонки чуть не лопнули от рвущего душу мужского крика, а на хорошо утоптанной земляной пол, прямо перед носом остолбеневших от неожиданности чернокожих гостей, обрушился здоровенный полуголый волхв – жутко поблескивая белками закаченных под лоб глаз. При этом Никодим не просто свалился с сеника, а эффектно гукнулся всем полноценным центнером живого веса и мученически отключился в позе раздавленной телегой курицы. Его напряженный, не желавший сдаваться мужской орган гордо вздымался к стропилам сарая. Гости отступили на шаг и содрогнулись.

– Ты чего это там делал? – подозрительно спросил князь, пиная волхва сапогом и более всего кручинясь не о здоровье первосвященника, а о падении престижа государства.

– Демонов изгонял! – честно выдал Никодим и отключился повторно, уже всеми органами тела и сознания.

Услышав страшное слово «демоны», послы взвизгнули, по-бабьи пронзительно и суеверно задрожали своими налитыми мощью бицепсами.

Но это оказалось еще не все. Практически свихнувшаяся от комариных ласк Стаська, решившая выяснить причину внезапно установившейся тишины, тихонько подкралась к краю сеновала, заглянула вниз и... внезапно поскользнулась на одной из разбросанных там и сям банановых шкур. Вниманию растерянных гостей предстало странное, жутко красное и опухшее лицо, оглушительно верещащее и стремительно промелькнувшее над настилем сеновала.

– Демон! – в один голос взвыли впечатлительные гости, позорно утрачивая последние остатки мужества. Они дробно застучали зубами и плавно приземлились на свои черные ягодицы. – Великий краснокожий демон пустыни!

Батюшка недовольно крикнул. По его державным меркам, в сарае творилось гоблин знает что! Волхв в отключке, канагерийцы в шоке, да еще какие-то иноземные демоны по родному, исконно берестянскому сеновалу скачут. Непорядок!

– А ну, кто там есть, подь сюда! – пьяно потребовал самодержец, грозя зажатым в кулаке обкусанным малосольным огурцом. – Тебе сам князь приказывает!

– Нельзя грозить демону, демон отомстит! – вразной косноязычно залепетали послы, умоляюще хватая батюшку за руки, отбирая огурец и настойчиво пытаясь усадить князя рядом с собой.

– Кому, мне, самодержцу красногорскому? – ерепенился Елизар, гордо выставляя грудь колесом. – Да я этому демону самолично задницу надеру!

И тут к представлению подключился козел Оська. Пользуясь тем, что я, увлеченная всем происходящим, ослабила бдительность и перестала обращать на него внимание, подлый козел перегрыз-таки кочерыжку, выдернул голову из привязанной к ней веревочной петли, учуял вкусный княжеский огурец и с отчаянным меканьем сиганул вниз. К тому времени стемнело окончательно. И нужно представить себе панику, охватившую канагерийских гостей, да и моего пьяненького батюшку, увидевших, как из темноты на них выпрыгивает костлявый светящийся демон, выставивший вперед длинные острые рога. Проявив невиданную прыть, гости бросились врассыпную. Оська, до этого вечера никогда в жизни не встречавший чернокожих, а посему напуганный не меньше них, хорошенько наподдал рогами первому попавшемуся, коим оказался мой батюшка. Потом ухватил зубами вожденный малосольный огрызок, чуть не оттяпав палец главному послу, и молнией вылетел из сарая, попутно сметая часть хилой, плетеной из ивняка стенки. За ним, громко крича и взывая к милости Аолы, вывалились иноземные гости, пришедший в себя волхв и князь в

рванных штанах. А я сидела на сеновале и ржала в голос, обхватив руками в кровь закусанную Стаську...

На следующий день, прихрамывающий и держащийся за седалище князь при огромном скоплении народа и в сопровождении поминутно заикающихся канагерийских дипломатов долго и витиевато возносил монаршую благодарность частично загипсованному волхву Никодиму, отмечая проявленную им храбрость в деле изгнания из Берестянска коварных демонов и прочих врагов рода человеческого. Уж не знаю, каких именно врагов он еще имел в виду, но Стаська после вышеупомянутого романтического приключения заметно сдала морально, так и не став прежней бесшабашной девчонкой. Она поспешно вышла замуж за пожилого провинциального купца, присмирела, обабилась, родила дочку и благополучно растолстела. А я, уже не впервой, крепко задумалась о причинах своего тотального невезения и зареклась когда-либо впредь испытывать судьбу столь сложными ролевыми постановками! Впрочем, как выяснилось позднее, судьбе до моих скоропалительных обещаний не было никакого дела...

Итак, я в нерешительности застыла на подступах к эльфийскому шатру. С одной стороны, меня здорово подзадоривало не на шутку разыгравшееся любопытство, а с другой – сильно тормозило осознание собственной невезучести. А вдруг как опять?.. Но конец моим размышлениям положил негромкий голос, донесшийся из-за прикрывавшего вход полога:

– Заходи же, княжна, мы ждем именно тебя!

Я коротко и беззвучно помолилась, прося богиню о снисхождении, протянула руку, отодвигая дорожную ткань, и смело шагнула вперед...

Внутреннее пространство шатра оказалось неожиданно высоким и вместительным, по большей части заставленным различными непонятными предметами, о назначении доброй половины коих я даже не догадывалась. В центре импровизированной комнаты находился круглый стол, за которым расположились двое. Первый, вернее, первая имела облик обманчиво молодой женщины – стройной, смуглой, с прозрачными, как вода в реке, голубыми глазами. Глазами старыми, будто лед на высокогорном леднике. Одетая в роскошное платье эльфийка восседала в удобном кресле, неторопливо тасуя колоду потертых карт, составленную из необычных, ярко расписанных золотом и серебром картинок. Рядом с ней, небрежно облокотившись на спинку кресла, стоял мужчина зрелых лет, с неожиданно мальчишескими и задорными глазами. Пряди седины, мелькавшие в его каштановых волосах, казались нарочито придуманным декоративным украшением. Я насмешливо прищурилась, тотчас уловив искусный визуальный обман.

– Здравствуйте, старшая госпожа! – Я низко поклонилась, приветствуя молодую эльфийку.

Мужчина и женщина быстро переглянулись, обменявшись многозначительными улыбками.

– Не каждый способен сразу распознать то, что скрыто под иллюзией, а не лежит на поверхности, – мелодично произнесла женщина. – Мой сын правильно предупредил меня, доказывая, что избранной деве присущи многие необычные качества. Как ты догадалась?

– Сама не знаю точно! – Я неопределенно пожала плечами. – У вас молодое лицо, а глаза, как у древней старухи. Но женщины всегда придают значение своей внешности. А у него, – я повернулась к мужчине, – юные глаза и слишком броская, для того чтобы оказаться натуральной, седина. Скорее всего, он лекарь и намеренно старит свою внешность! Ведь пациенты склонны доверять пожилым и опытным...

– Bravo! – Эльфийка ребячливо захлопала в ладоши. – Поэтому – долой маски!

В воздух взметнулось ароматное облачко тумана, а когда оно рассеялось, я увидела красивого юношу в расцвете лет и старую безобразную каргу, морщинистую и сгорбленную. Мое изумление не имело предела:

– Но ведь эльфы не стареют?

– В обычных условиях – да, – подтвердила старуха, возобновив перебирание карт. – Но за все нужно платить, в том числе за силу и знания. Поэтому маги и правители редко остаются молодыми.

– Заклинания забирают вашу жизненную энергию! – догадалась я. – Но тогда вы должны быть очень сильной магичкой?

Эльфийка рассмеялась:

– Я не волшебница, милая девочка! Я – Смотрящая сквозь время, служительница королевы Смерти, а время беспощадно даже к тем, кто научился повелевать и управлять им. И я ждала именно тебя.

– И я! – в унисон подхватил лекарь. – Но моя миссия невелика, всего лишь подправить твой внешний облик...

– Зачем? – испуганно отшатнулась я. – Достаточно избавить меня от прыща...

Лекарь улыбнулся:

– Ты странная девушка, княжна. Неужели ты не мечтаешь о красоте?

– А как же фраза: «За все нужно платить»? – иронично усмехнулась я.

– Bravo! – повторно произнесла Смотрящая. – Подозреваю, судьбе не удастся так просто согнуть или сломать тебя, ей придется изрядно потрудиться...

– Это вы о чем? – настороженно поинтересовалась я, подходя ближе к столу и с любопытством таращась на картинку.

– О твоём знаменитом невезении! – каверзно сморщилась старуха, собирая свою сухую мордочку в невероятно отталкивающую гримасу. – И обо всех вас!

– Нас? – не поняла я.

– Садись! – Смотрящая почти насильно усадила меня напротив себя и подвинула ко мне колоду карт. – Вот это, – она любовно погладила толстую стопку картинок, – Колода Судьбы, один из величайших артефактов нашего народа, некогда хранившийся в Храме Розы. Но много сотен лет назад пророк Логрин почувствовал, что в мир придет избранный человек, способный изменить непрочную ткань бытия с целью предотвратить поджидающие нас несчастья. И тогда он отдал мне волшебные карты, поручив помочь этому избранному богами воину понять смысл своего предназначения. Пророчество Логрина сбылось, теперь мы точно знаем, что этот долгожданный спаситель мира – ты!

– Я? – Я ошарашенно вылупила глаза. – Не-е-ет, не верю ни единому вашему слову! Я просто младшая дочь князя, некрасивая и невезучая...

– Вот! – поучительно подняла кривой ноготь эльфийка. – Смотри... – Она сжала ладони, прошептала несколько слов, развела руки, и... из ее пальцев на стол выпрыгнула хорошенькая беленькая мышка, забавно поблескивая черными бусинками глаз.

Я восхищенно вскрикнула. Старуха щелкнула пальцами, и под лапками мышки появилась узкая атласная ленточка, начавшаяся двигаться со все увеличивающейся скоростью. А мышка немедленно и вынужденно побежала по ленточке, вытянув в струнку тонкий хвостик и отчаянно перебирая розовыми лапками. Я следила за животным, задумчиво наморщив лоб. Лента двигалась все быстрее и быстрее, мышка начинала уставать. Что-то мне это напоминало...

– А если мышка остановится? – шепотом спросила я, скрипя пересохшим от волнения горлом.

– Она умрет! – жестоко ответила старуха, не сводя с меня напряженного взора. – Ты понимаешь смысл увиденного, княжна?

– Кажется, да, – неуверенно произнесла я. – Лента похожа на непрерывный поток жизни, сойти с которого можно лишь одним способом. Поэтому мы все бежим и бежим, выбиваясь из сил и соревнуясь в скорости со смертью...

– А теперь смотри дальше, – довольно приказала старуха, дунула на стол, и на ленте появился камушек.

Мышка запнулась о препятствие и кубарем покатила назад, чуть не свалившись с узкой полоски жизни... Я сочувственно вскрикнула:

– Бедняжка, как же ей не повезло!

Смотрящая хищно ухмыльнулась. Но мышка вдруг резво вскочила, сердито пискнула, упрямо тряхнула усами и побежала еще резвее, чем раньше. Я буквально остолбенела, осознав скрытый смысл произошедшего.

– Достаточно, – попросила я. – Я все поняла!

Эльфийка махнула рукавом, и иллюзия пропала. Лекарь участливо наклонился ко мне и подал стакан воды. Я выпила залпом.

– Камешек – это невезение, встречающееся нам в жизни. Сломайся, остановись, испугайся – и ты умрешь. А научись его преодолевать – и ты станешь сильнее любой случайности, научишься извлекать уроки из своих ошибок и перестанешь быть рабом судьбы... – вслух рассуждала я.

Смотрящая благосклонно кивнула:

– Видишь, теперь ты поняла смысл выпадающих на твою долю невезений. Правильно понятое и принятое невезение несет куда больше блага, чем постоянная удача. Избранный должен закалиться физически и духовно, не бояться бед и испытаний. Лишь изменивший свой разум человек способен изменить судьбу, причем не только собственную, но и чью-то еще. Ибо тогда он сможет свершить предначертанное богами и исполнить пророчество.

– В одиночку? – не поверила я.

– Конечно нет, – поспешил утешить меня добросердечный лекарь. – Тебе суждено обрести друзей.

– Сейчас мы все узнаем. – Старуха взяла колоду и протянула ее мне. – Выбери одну из картинок.

Я послушно просунула пальцы в глубь лежащей вверх рубашками стопки бумажных квадратиков и вытянула первую же, случайно подвернувшуюся под руку. Смотрящая перевернула ее рисунком наружу и показала мне:

– Светлая Дева!

И правда, карта изображала девушку, нарисованную золотой и алой красками, остриженную до плеч и одетую в мужское платье. Я недоуменно скривила рот и погладила свою длинную косу.

– Назови любе число! – потребовала эльфийка.

– Шесть! – наобум брякнула я.

– Хорошо, – потер руки лекарь, – значит, вас будет шестеро.

– Необязательно, – поспешно поправила его старуха. – Возможно, к ним присоединятся помощники, но Воинов Судьбы и вправду наберется шестеро! – Она быстро, не глядя, выбрала пять карт, добавила их к Деве и разложила их на столе. – Это, – еще шесть карт легли выше, – ваше прошлое. Это, – шесть карт поместились ниже, – ваше будущее. Это, – она выбросила три карты слева от себя, – то, что вам противодействует. И еще три карты справа – то, что вам поможет. А теперь достань карту, знаменующую итог исполненного пророчества! – категорично приказала она.

Я вздрогнула всем телом.

– А может, вы сами это сделаете? – затравленно попросила я, не осмеливаясь принять на себя столь тяжкую ответственность.

Но Смотрящая сквозь время возмущенно замотала седыми патлами:

– Я не полномочна вмешиваться в судьбу избранного. Твоя жизнь всецело в твоих собственных руках, девочка!

Тогда я закрыла глаза и мысленно сказала себе, что вовсе не хочу кому-то навредить или причинить страдание. И если мне суждено вытащить плохую карту, то пусть вся ответственность за такой неудачный выбор падет только на меня... Я потянулась к колоде, и мне показалось, что последняя карта сама прыгнула ко мне в ладонь! Я поспешно положила ее на край стола, ибо простой кусочек картона жегся сильнее головешки...

– Ну что, открываем Расклад Судьбы? – Старуха смотрела на меня вопросительно.

Я плотно сжала зубы и решительно кивнула.

Обычно любое разумное и свободомыслящее существо ошибочно полагает, что в жизни существуют всего лишь две вещи, дарованные нам свыше, а не выбранные по собственному желанию или прихоти. Эти пресловутые вещи – родители и родина. С тяжеловесными фактами фатальности этих понятий спорить бесполезно, ибо они не подлежат опровержению, являясь непоколебимой догмой. Но, к несчастью, есть и нечто третье, способное доставить нам гораздо больше хлопот и неудобств. И называется оно – имя. Да-да, то самое имя, что сразу же после рождения дают нам наши любящие родители. И, наверное, одним только Пресветлым богам известно, какими соображениями они при сем наиважнейшем действе руководствуются. Не стоит смеяться или необдуманно махать рукой – да ну, мол, имя! Поменял его, и делов-то! И нам кажется, что это можно совершить в любой удобный для нас момент, да вот лучше – не надо бы и пытаться. Потому что истинное имя несет в себе огромный пакет законсервированной до нужного времени информации, потихоньку выходящей из спячки в течение всей жизни своего физического носителя и способной оказывать влияние на его судьбу, служить специфичной артефактной защитой и даже предопределять будущее. А смени имя на какое-то другое – и, возможно, вся твоя жизнь нарушится и, хуже того, пойдет под откос! Одни лишь высшие маги способны безболезненно изменять данное родителями имя, испросив благословения богов и заложив в физическую оболочку, претерпевшую подобную ментальную трансформацию, новую, тщательно откорректированную судьбу. Ибо имя является такой же неотъемлемой нашей частью, как нога, голова или сердце.

Трейдит раздувал крылья широкого носа, сосредоточенно нюхая сырой лесной воздух. Поругавшись с друзьями, он первое время слепо пер напролом, совершенно не разбирая дороги и стремясь как можно скорее очутиться подальше от Орина и Скумера, в очередной раз жестоко и обидно высмеявших Трея. А еще друзьями называются! Но только выпади удобный случай, сразу забывают их совместные ночные прогулки, купания в озере и прочие проделки, милые шепотным мальчишеским сердцам, и начинают подлизываться к этому безмозглому пузану Шешеку, первому здоровяку и силачу. Буквально в рот ему смотрят! Да какие из них после этого друзья, так, случайные приятели просто... Трейдит сгоряча двинул плечом, снося невысокую сосенку. Пусть он пока папу ростом не догнал, да и до толстяка Шешека ему далеко, но все равно – метров десять в Трее уже набралось. А возможно, и десять с гаком!

Размер, пожалуй, являлся сейчас второй наиважнейшей ценностью, постоянно занимавшей мысли Трея и вызывавшей у него повышенный интерес. Именно размер, а отнюдь не красота. Лишь мощная стать и широкий разворот плеч могли немного исправить создавшееся невыгодное положение, добавив Трею толику веса и уважения в кругу яростно борющихся за авторитет сверстников. А также – компенсировать его дурацкое имя!

«А во всем мама виновата! – Трейдит печально вздохнул, в глубине души понимая, что мать вовсе не желала ему вреда, а наоборот, хотела сделать как можно лучше. – Удружила, нечего сказать! Ладно хоть не уродом родила, и на этом спасибо».

К красоте Трей не стремился никогда, да и вовсе не к лицу воину и сыну повелителя клана думать о подобных суетных мелочах. Забота о внешности – удел девчонок, особенно если они такие пригожие, как его младшая сестренка Ларра. Испытываемая к сестре любовь приятно согрела душу, вызывая в памяти ее милую улыбку и необычайно прекрасные синие глаза. А сам Трей... Тут мальчишка поднапряг мозги, пытаясь представить себя со стороны, и ненадолго задумался.

Нет, оценивая себя объективно, Трей не смог бы претендовать не только на звание красивого, но даже симпатичного. Его грязный, серовато-коричневый окрас немного оживлял пышный черный гребень, тянувшийся вдоль спины и хвоста. Но на этом плюсы внешности заканчивались, а общее впечатление от достаточно пропорциональной фигуры сильно портили граничащая с худобой поджарость и надломленный передний клык. След былых драк. Неплохое впечатление производили большие черные глаза, впрочем совершенно теряющиеся на фоне оторванного и еще как следует не приросшего лоскута чешуи, неопрятно болтающегося над правой глазницей. Наверное, так и не заживет до конца, навсегда шрам останется. Хотя на это Трею тоже давно уже наплевать. Не красавец, как самовлюбленный серебристый Орин, но и не урод. Это если не слушать придурка Шешека, который любил сравнивать Трея с безобразным гоблином и частенько сыпал подколками типа той, что когда коричневый уродец был еще совсем маленьким и играл в песочнице, то даже кошки находили его столь страшным, что пытались закопать. Но нет, Шешек врет – у Трея самая обычная для молодого дракона внешность. И точка, хватит на этом нюни распускать, чай, не девчонка!

А первоначальной причиной неудач, неотступно преследующих Трея с самого момента вылупления из яйца, стала нежная мамочка, давшая долгожданному первенцу труднопроизносимое и донельзя пышное имя – Вольвентрейм. Старики покачали головами, почесали в затылках и успокоились. Ну и подумаешь, что от имени сына владыки Рэндона у них языки о зубы спотыкаются и дыхание перехватывает. Раз родители так захотели, то пусть будет этот, как его, Вальвер... Вольтвен... тьфу, Вольвентрейм! В конце концов, не им ведь с таким дурацким именем жить, а ему, сыну повелителя клана. Рэндон и сам со временем понял, что зря он в таком важном вопросе пошел на поводу у жены, но было уже поздно.

Вольвентрейма дразнили многие, переименовав его имя самым невообразимым и несуразным образом. А хуже всего стало после того, как один излишне тяготевший к чтению книг по естествознанию умник начал именовать сына повелителя Вульвентреймом, разволив на весь оазис о забавном названии человеческого женского органа, легшего в основу нового обидного прозвища Трея. Теперь уже над жалким неудачником потешались все без исключения, даже ранее невозмутимые старейшины, и жизнь мальчишки превратилась в нескончаемую череду издевательств и унижений. Помочь Трею отныне, кроме него самого, не мог никто, включая могущественного отца. Юный дракон до глубины души возненавидел свое нелепое имя, навсегда заменив коротким и звучным сокращением, напоминающим смертельный удар тяжелого хвоста – Трей. Он научился драться, когтями и зубами отстаивая право оставаться самим собой. Пусть не сыном владыки и будущим владыкой, но существом дерзким и свободным, стоящим выше пустых обид и глупых предрассудков.

Любить Трея после этого не полюбили, но бояться стали, тщательно скрывая под язвительностью инстинктивное уважение и зависть, невольно внушаемые им молодым гордецом. Ведь Трей смело противопоставил себя всему клану, да к тому же он еще и летал куда лучше всех остальных драконов. И взрослых и молодежь чрезвычайно раздражала посадка головы Трея, всегда высоко вскинутой к столь любимому им небу, нахальный взгляд с прищуром, да еще вызов, ясно читающийся в черных глазах, обращенный ко всем и вся. Разве же таких любят? Скорее всего, со временем ему предстояло-таки снискать уважение у сородичей, причем именно то, которого добиваются ценой собственной мудрости и доблести, а

не получают по наследству. И, вероятно, в будущем из Трея получился бы самый знаменитый правитель, способный в веках прославить весь драконий род, если бы в ход событий случайно не вмешалось слепое провидение, щедро приправленное изрядной дозой невезения, в корне изменив судьбу молодого дракона. Вот к чему в итоге способно привести необдуманное отторжение и изменение имени...

Такому выдающемуся летуну, как Трей, ничего не стоило, поругавшись с друзьями, подняться на крыло и запросто пересечь песчаное побережье Ундоры, с ее зелеными оазисами, облюбованными драконами в качестве постоянного места проживания. Вдосталь насладившись горячей влагой Моря Туманов, Трей перемахнул через половину Антеи и лишь слегка выдохся, достигнув прохладного и лесистого склона Младшей сестры. Холодовато, конечно, особенно для привычного к жаркой Намбудии дракона, но зато имеется стопроцентная гарантия – до гоблина надоевших сородичей здесь уж точно не встретишь. К тому же окружавшие Хрустальную долину горы всегда казались Трею довольно милым местечком, полным всевозможных еще не разгаданных тайн и приятных неожиданностей. Дракон неторопливо выбрался из чащобы, словно таран пробороздив хилый подлесок, а затем отыскал отлично прогретую солнцем глубокую низину и завалился спать, уютно устроившись в густых дебрях пышно разросшегося орешника. И спалось Трею довольно-таки сладко до тех пор, пока его не разбудили два громких голоса.

Первой реакцией не до конца проснувшегося дракона стало естественное желание вылезти из низинки и призвать к ответу шумных наглецов, банально накостыляв им по шеям. Но уже минутой спустя Трей мысленно возблагодарил Пресветлых богов, предусмотрительно даровавших ему окрас, столь гармонично сливающийся с землей и ветками кустарника. Ибо разглядеть его в пестрой цветовой гамме низины оказалось практически невозможно. А среди двух согласно сплетающихся голосов молодой дракон безошибочно опознал густой отцовский бас, преисполненный неожиданно мягкими и любезными интонациями. Обычно так разговаривают лишь с близкими друзьями. Второй голос, восхитивший Трея своей необычайной напевностью и музыкальностью, принадлежал, судя по всему, эльфу. Дракон с любопытством отвел ветку, закрывающую обзор, и пристально всмотрелся в соседей. Эльф, обладающий необычным голосом, производил убойное впечатление, ввергая в шок своей противоречивой, поистине фантасмагоричной внешностью. В первый раз в жизни Трей увидел столь парадоксальное сочетание сияющей красоты и вопиющего уродства. Эльф, без сомнения, подвергался нападкам ничуть не реже самого Трея и поэтому мгновенно вызвал в последнем спонтанно вспыхнувшее чувство искренней симпатии. Невезучий встретил невезучего.

Едва сдерживая овладевший им восторг, Трей внимательно выслушал разговор, касавшийся сватовства к красногорской княжне. А вернее, его отец принял заказ на похищение девицы, обязавшись доставить ее напрямиком в выжидательно распахнутые объятия горбатого эльфийского красавца. Трей хихикал и потирал лапы, чуть не вертясь на месте от распиравшего его энтузиазма. Едва дождавшись ухода заговорщиков, он ужом выполз из низины и с громкими воплями радости лихо закувыркался на мягкой траве. Наконец-то справедливая судьба решила исправить причиненные Трею неприятности, с лихвой вознаградив за проявленное терпение и стойкость! О нет, он ни за что не уступит отцу столь почетную миссию – раздобыть прекрасную княжну и привезти ее в Хрустальную долину. Он сам немедленно отправится в Красногорье и мастерски выкрадет девушку из тщательно охраняемого княжеского терема. Этой отчаянной проделкой Трей не только заработает дружбу и благодарность принца Тая, но и докажет всем драконам свою храбрость и умение совершать самые рискованные поступки.

«Кто не рискует, тот не пьет игристого вина!» – любят повторять гораздые на всякие умные изречения эльфы. Но при этом они лукаво умалчивают об одной важной мелочи: что же на самом деле вреднее для здоровья, вино или неоправданный риск. Об этом Трей как-то не подумал...

Даже самые могучие маги остерегаются попусту заглядывать в будущее, конечно, если для этого не возникнет особо веских причин, ибо зачем себя расстраивать лишний раз? Кому, к примеру, приятно знать точную дату своей смерти, да еще со всеми животрепещущими деталями и подробностями? Но с другой стороны, жизнь – штука суровая, а на ком-промиссы жадная. С жизнью возможны всего два варианта взаимодействия: не привыкнешь к ее выкрутасам – подохнешь, не подохнешь – привыкнешь. Подыхать мне не хотелось категорически, для столь печального исхода событий я была еще слишком молода. Кстати, если разобраться, излишками дурного оптимизма, так мешающими формированию нормального инстинкта самосохранения, я не страдала никогда, прекрасно понимая, что самым жизнелюбивым является отнюдь не тот, кто первым крикнет «ура», а тот, кто последним скажет «хана». Но вот что прикажете делать с неисправимыми и обязательными чертами любой бабской натуры – въедливостью и любопытством? И поэтому, абсолютно подтверждая мудрую истину, называющую молчание единственным золотом, не ценимым женщинами, я, хоть и отдавала себе отчет в опасности подобного решения, чисто из вредности открыла рот и выдавила хриплое «да».

Смотрящая сквозь время кисло улыбнулась и начала кропотливо переворачивать карты...

– Так, – бормотала она себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь, – посмотрим, что нам выпало. – (И тут я поняла, что мучающее эльфийку любопытство ничуть не уступает моему, ведь она тоже принадлежала к числу представительниц женского пола). – Каких Воинов Судьбы нам преподнесет волшебная колода? – Старуха переворачивала цветасто размазанные квадратики и прилежно размещала их ровным рядком.

Первой рядом с изображением Девы появилась картинка, явившая моим потрясенно расширенным глазам нечто когтистое, крылатое и хвостатое.

– Чудовище! – уверенно пояснила старуха.

Второй открылась карта с отвратительным обликом несуразного, сгорбленного человека.

– Урод! – прокомментировала эльфийка.

Третья картинка показала женщину в плаще.

– Ведьма! – объявила Смотрящая, мрачней все больше.

На четвертой карте красовался величественный мужчина, пугающий противоречивым контрастом огромных оскаленных клыков и роскошной короны на голове.

– Высший коронованный вампир! – уже не сдерживая овладевшего ею отчаяния, громко ахнула эльфийка. Она испуганно зажала между колен дрожащие от ужаса руки и посмотрела на меня, как на приговоренную к казни преступницу.

Я прикусила губу и сама открыла последнюю, шестую карту. На ней оказался нарисован черноволосый красавец с красными глазами.

– Злодей! – каркнула старуха.

Две женщины, молодая и старая, сидели друг против друга, с отвращением взирая на разложенные между ними карты.

– Никогда не видела более худшего расклада, – печально призналась Смотрящая. – Шесть персонажей: Дева, Чудовище, Урод, Ведьма, Высший вампир и Злодей! Из всей колоды они менее всего подходят на роль Воинов Судьбы! Пресветлые боги, хотелось бы мне знать, почему нам не выпали прекрасные рыцари и светлые маги?

Я посмотрела на старуху с немим отчаянием во взоре и шмыгнула носом, на глаза наползали слезы горечи и обиды. Мне что, не повезло в очередной раз? До такой степени не повезло? Ну-у-у, это уже нечестно...

– А переиграть нельзя? – робко поинтересовалась я.

Эльфийка глянула на меня жалостливо, будто на стукнутую по голове идиотку:

– О чем ты там лепечешь, девочка, это же Расклад Судьбы!

Я шмыгнула носом еще громче.

– Ну ладно, – обманчиво бодро провозгласила Смотрящая, – давай откроем ваше прошлое и будущее, авось там проявится что-нибудь хорошее... – И, не тратя понапрасну времени, она перевернула карту, лежащую над Девой. – Тролль! – ликующе рассмеялась старуха, демонстрируя мне изображение косматого воина с дубинкой. – Ай да Логрин, не ошибся-таки!

Я недоуменно свела брови на переносице:

– А он-то ко мне каким боком относится?

– Это твой настоящий отец! – торжественно объявила эльфийка.

Я протяжно присвистнула. Скажем прямо, особого шока я не испытала. Ходили при княжеском дворе всяческие слухи о том, что, мол, батюшка Елизар мне не родной, а я ему дочка не кровная, а приемная. И что матушка моя и не человек вовсе... И, дескать, так она с батюшкой и не ужилась, а отправилась вскорости после моего рождения к одной лесной лекарке раны долечивать, да так и не вернулась. А что с ней далее приключилось – никому не ведомо. К батюшке с такими вопросами я соваться не осмеливалась, замечая, как темнеет его лицо при малейшем упоминании имени Феррис, но еще с десяти лет дала себе клятвенный зарок – в нужный час разобраться во всей этой смутной истории. И вот, похоже, нужный час настал...

– Ну если мой родной отец столь непригляден собой, то понятно, откуда у меня взялась этакая гадкая склонность к прыщам! – неловко пошутила я.

Лекарь у меня за спиной одобрительно хмыкнул и легко прикоснулся к кончику моего носа своим точеным ухоженным пальцем. Нос тут же перестало печь. Я благодарно кивнула.

– Венец повелителя! – Не отвлекаясь на мои шуточки, старуха перевернула карту, лежащую над Чудовищем. – О-о-о, – многозначительно протянула она, – наш зверь происходит из царского рода!

Уж не знаю, как самой Смотрящей, а мне этот факт не прояснил ничегошеньки. Скорее, запутал меня еще сильнее.

Над Уродом разместились карта блуда, над Ведьмой – незаконченной учебы, над Высшим вампиром – потери близкого человека, над Злодеем – убийства (что выглядело вполне логичным). Эльфийка откинулась на спинку кресла и издали любовалась незаконченным раскладом. Саркастично так любовалась.

– Мило! – буркнула она, смотря куда угодно, но только не на меня. – Одним словом, мило! Прямо не Воины Судьбы, а, скорее, кучка наемного отребья самого вульгарного пошиба!

– Мама, – строго одернул ее лекарь, – не пеняй на судьбу. Ты ведь сама не раз мне говорила, что ничего в жизни не дается так дешево, как нам того хотелось бы. А просто так даже кошки не котятся. К тому же грехи прошлого не всегда омрачают будущее.

– Ну-ну, – желчно проворчала старуха, – не верю я что-то в это светлое будущее! – Она тяжело вздохнула и начала открывать карты, лежавшие ниже Воинов Судьбы.

Под Девой (то есть подо мной) оказалась свадьба, под Чудовищем – перерождение, под Уродом – бесконечность, под Ведьмой – карта, имевшая, по словам эльфийки, два значения – Костер и Сила, под Вампиром – власть, а под Злодеем – потеря себя.

Теперь уже растерялся и озадачился даже неизменно верящий в удачу лекарь, а я так и вообще категорически отказывалась понимать хоть что-нибудь мало-мальски значимое. Все происходящее здорово смахивало на глупую и очень жестокую игру. Смотрящая обреченно махнула морщинистой рукой и, торопясь досмотреть расклад, рывком открыла лежащие справа от нее карты. На нашей стороне оказались: Дружба, Боги и Случай.

– Ну это еще ничего, – немного оживилась старуха. – Коль Пресветлые боги на вашей стороне, то еще можно надеяться на благоприятный исход задуманного предприятия. А вот что против вас. – Она неохотно перевернула размещенные слева карты. – Чернокнижник, Невезение и... О, спаси нас Аола! – Смотрящая мертвенно побледнела и, пребывая в состоянии близком к обмороку, уронила на пол последнюю из трех картинок.

Лекарь бросился к матери и начал расторопно хлопотать, умело массируя ей виски и поднося к носу склянку с каким-то остро пахнущим зельем. Пользуясь суматохой, я быстро нагнулась и подняла кусочек картона, путано залитый концентрическими сгустками непрозрачно-черной краски...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.